

ВАМПИРИЯ

Читайте романы Виктора Диксена:

ВАМПИРИЯ

«ДВОР ТЬМЫ»

«ДВОР ЧУДЕС»

«ДВОР УРАГАНОВ»

Виктор Диксен
ВАМПИРИЯ
ДВОР
УРАГАНОВ

Freedom

Москва
2023

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44
Д45

Victor Dixen

Vampyria, livre 3: La Cour des Ouragans

© Éditions Robert Laffont, Paris, 2022

Published by arrangement with Lester Literary Agency
& Associated

Диксен, Виктор.

Д45 Двор Ураганов / Виктор Диксен ; [перевод с французского С. Р. Исхаковой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 576 с. — (Young Adult. Вампирия).

ISBN 978-5-04-175507-2

Торговля с Америкой, которая веками обеспечивала богатством Магну Вампирию, находится под угрозой. Крупнейший за всю историю груз золота оказался в руках пиратов во главе с самым отъявленным головорезом. Капитан Бледный Фебиус сеет ужас на всем Атлантическом побережье! Чтобы переманить кровожадного пирата на свою сторону, Людовик Нетленный приказывает своей фаворитке выйти за него замуж.

Любимица короля — Жанна — на самом деле состоит в секретной организации, мечтающей свергнуть Короля Тьмы. У повстанцев свои виды на союз девушки с пиратом. Ведь помимо преимущества в борьбе с верховным вампиром, у них появится шанс помешать Людовику заполучить драгоценный камень, из-за которого весь мир поглотит тьма...

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44

© Исхакова С.Р., перевод
на русский язык, 2022
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-175507-2

Посвящается Е.

*И море, и любовь на вкус горьки.
Солены волны моря, как и слезы любви.
Потоки бурных чувств вздымают волну,
Морская пучина всех призовет ко дну.*

Пьер де Марбеф — Сборник стихов
(XVII в. христианской эры)

*

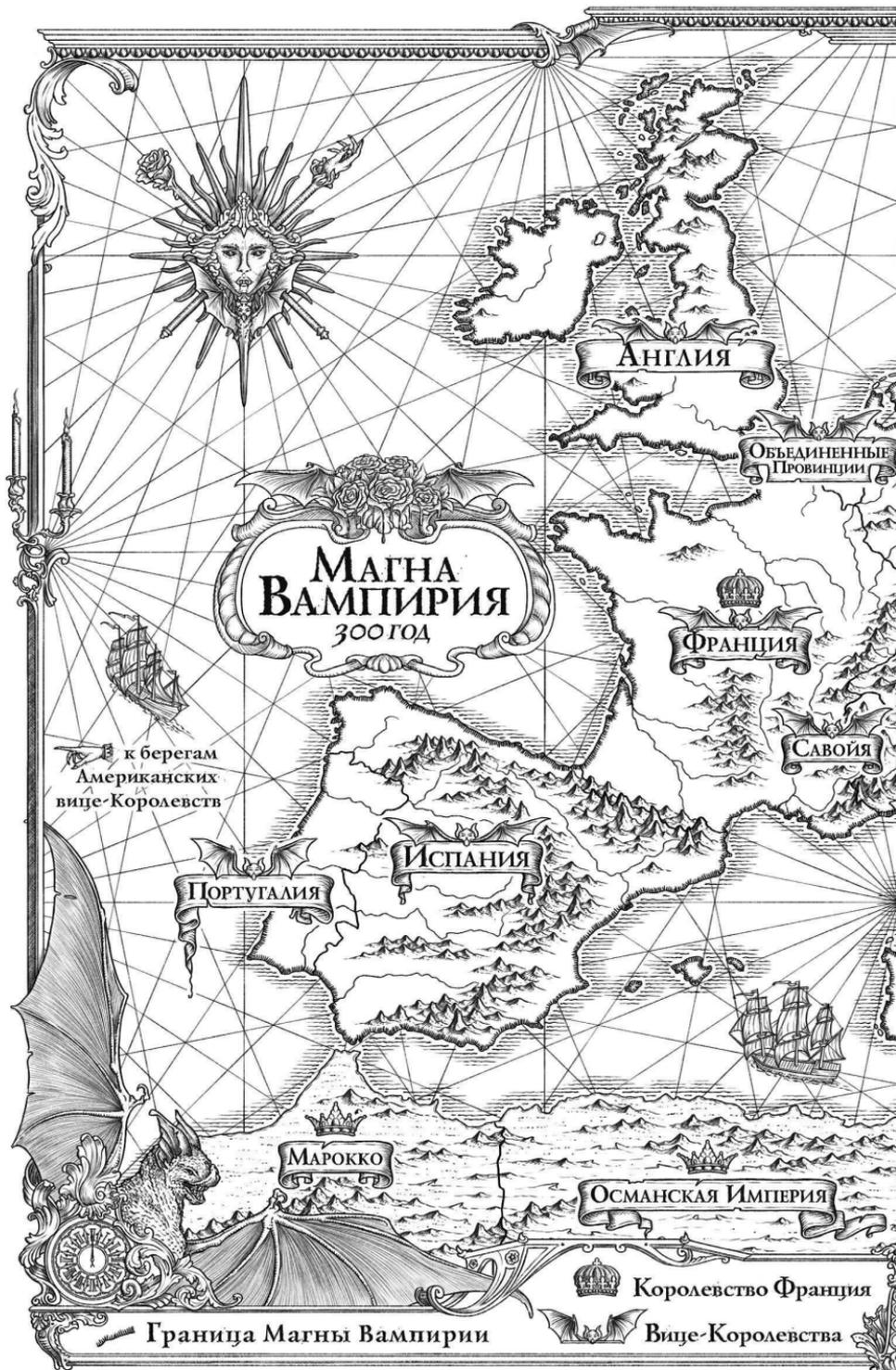
*Эй, бросайте игральную кость!
Сейчас мы узнаем, кому пустим кровь!*

Ахой! Ахой!

*Морской черт хохочет, а юнга в слезах!
Пощады не будет! Ты в наших клыках!*

Ахой! Ахой!

Песня корсаров-вампиров
(III в. Эры Тьмы)

**Магна
Вампирия**
300 год

к берегам
Американских
вице-Королевств

Англия

Объединенные
Провинции

Франция

Савойя

Португалия

Испания

Марокко

Османская Империя

Королевство Франция

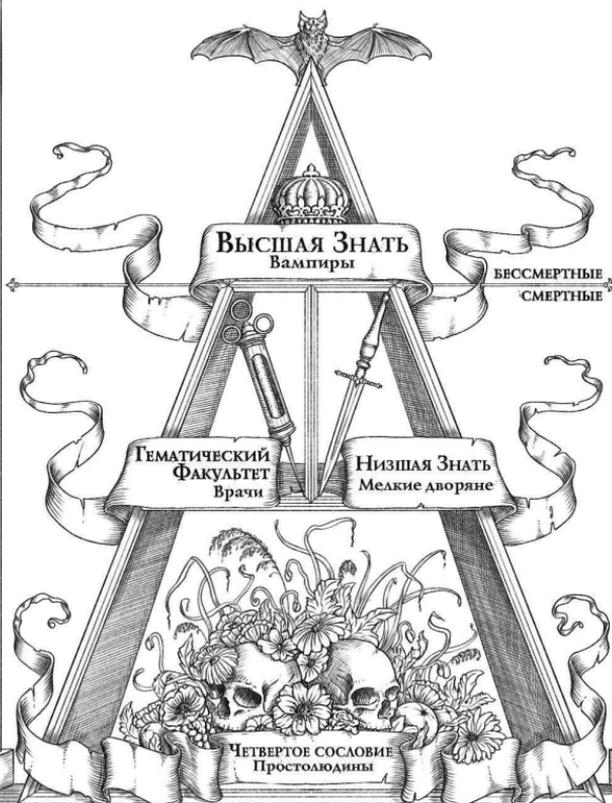
Вице-Королевства

Граница Магна Вампирии

КОДЕКС СМЕРТНЫХ *CODEX MORTALIS*

Указ
Людовика Нетленного,
Короля Тьмы,
о регламенте управления смертными
простолюдинами четвертого сословия
по всему королевству Франция
и вице-королевствам Магны-Вампирии.

ПРЕАМБУЛА

Милостью Тьмы общество Магны Вампирии разделено на четыре сословия. Бессмертные: Вампиры высшей аристократии. Смертные: Мелкое дворянство низшей аристократии Доктора гематического Факультета и Четвертое сословие: простолюдины.

Приведенные ниже статьи закона касаются последней категории населения.

Статья 1. ПОВИНОВЕНИЕ. *OBOEDIENTIA*

С момента рождения и всю жизнь простолюдины находятся под защитой вампиров. Поэтому они обязаны им подчиняться полностью и безоговорочно.

Статья 2. ЗАКОН О НЕВЫЕЗДЕ. *SEQUESTRUM*.

В течение дня, пока светит солнце, простолюдинам запрещено отдаляться от колокольни своего населенного пункта дальше одного ль¹.

Статья 3. КОМЕНДАТСКИЙ ЧАС. *IGNITEGIUM*.

В течение всей ночи сразу после того, как прозвучит набат, простолюдинам запрещено покидать свои дома.

Статья 4. ДЕСЯТИНА. *DECIMA*.

Каждый месяц простолюдины обязаны отдавать десятую долю своей крови.

Статья 5. САНКЦИИ. *SUPPLICIUM*.

Любое лицо, нарушившее статьи закона, будет казнено.

¹ Лье – старинная французская мера длины. 1 лье = 4,444 км.

I

Наказание

**— ГДЕ НАШЕ ЗОЛОТО? — ПРОРЫЧАЛ КОРОЛЬ
ТЬМЫ.**

Замогильный голос проник сквозь неподвижные губы золотой маски, которая на протяжении трехсот лет скрывает его лицо от всего мира. Массивный трон, на котором он величественно восседал, также был из золота; кроме того, позолочено все убранство салона Аполлона, от потолка до пола. В этом зале достаточно драгоценного металла, чтобы отлить короны для сотни монархов, но недостаточно, чтобы насытить королевского людоеда, чей аппетит к роскоши и крови не знает границ.

— Где Наше золото? — повторил он тоном ниже.

Фигуры присутствующих, склонив почтительно головы, замерли у покрытых бархатом ступеней, ведущих к трону. В первом ряду три вампира благородного происхождения, их легко распознать по оттенку бледной кожи и красным каблукам; позади них шесть смертных аристократов. У последних лица испещрены шрамами. Один из них опирался на костыли, дру-

ДВОР УРАГАНОВ

гой придерживал перевязанную руку в плотном бандеже.

Вот и все, что осталось от французской флотилии в Америке, когда-то вооруженной тридцатью кораблями: дюжина жалких офицеров и горстка уцелевших матросов, ныне прозябающих в богадельнях Версаля.

— Враг застал нас врасплох, Ваше Величество, — пробормотал самый крупный бессмертный — верзила со сторбленной от стыда спиной, усталым лицом, завешанным буклями тяжелой каштановой шевелюры. — Мы боролись из последних сил, но были подавлены.

— Ваши иеремиады¹ не ответили на Наш вопрос, Мариньи, — отрубил, словно секирой, сверхчеловеческий металлический голос главного вампира. — Вы действительно хотите, чтобы Мы повторили его в третий раз?

Ряды придворных, собравшихся в тронном зале, содрогнулись. Эта ночь — 19 марта 300 года Тьмы должна была прославить великолепие Франции. В последние месяцы в кулуарах Версаля шептались, что флотилия привезет из Америки самый сказочный груз золота, когда-либо вывезенный из колоний, находившихся по ту сторону Атлантического океана. Плод, полученный в результате нескольких лет добычи из шахт Мексики и Бразилии и выплаченный Нетленному в качестве дани вице-королевствами Испании и Португалии. Предвкушая роскошный прием, придворные дамы украсили свои шиньоны накладными локонами в форме галеонов, настолько высоких, что они с трудом проходили в дверях.

Но сегодня адмирал Мариньи предстал перед Королем, Двором и оруженосцами с пустыми руками. Я, Диана де Гастефриш, принадлежала к этой элитной группе: охране Людовика Нетленного. Стоя у основания трона

¹ Иеремиады — горькие жалобы, сетования.

НАКАЗАНИЕ

рядом с пятью напарниками, я из первых рядов наблюдала за унижением уцелевших в битве.

— Нет, Сир, не беспокойте себя повторением вашего вопроса, — раболепно ответил адмирал Мариньи. — Я вам все объясню. — Он прочистил горло. — Как и было намечено, флотилия прошла на север Лукайских островов, держа на расстоянии своих пушек флибустьеров¹, которые веками, словно черви, заражали этот район. Но там, в самом центре Бермудских островов, нас накрыл страшный шторм, ставший прелюдией к еще большей опасности: пиратам в небывалом количестве. Легионы корсаров² хлынули потоком, как будто сам ураган изрыгнул их из своего чрева! Ваше золото... находится... гм... Оно осталось в руках их главаря. Капитан Бледный Фебюс — так называет себя этот демон с ликом юноши. Вероятно, он родился где-то на восточных берегах Америки, а спустя всего несколько лет превратился в самого опасного головореза в океане. От Малых Антильских островов до Кейп-Кода самые лютые корсары не осмеливаются вслух произносить его имя, ибо он грабит как торговые судна, так и корабли пиратов.

Повисла гробовая тишина. Смертные придворные затаили дыхание. Бессмертные перестали дышать задолго до этого. Лишь биение часов разносилось по тронному залу, зловещее «тик-так», в ритме которого трепетало пламя свечей на люстрах. Их отблеск подрагивал на поверхности золотой маски Короля.

— Наше золото осталось в руках преступника, — заметил тот глухо. — Но вы, Мариньи, вы здесь с вашими людьми.

¹ Флибустьер — (ист.) морской разбойник, пират.

² Корсар — пират, имевший официальное разрешение от государства на грабеж торговых и военных судов вражеских держав.

ДВОР УРАГАНОВ

— Мои войска понесли огромные потери в битве, Сир! — возразил адмирал. — Я сам был на волоске от смерти, Тьма тому свидетель!

Задетый за живое, мужчина резко вскинул голову, чтобы смело взглянуть в бездонные черные глазницы суверена, но тотчас прикусил губу, кончики его клыков вонзились в мертвенно-бледную плоть. Он осмелился повысить голос на монарха! Наглец!

Нетленный медленно встал со своего трона. Полы его длинной мантии из белоснежного горноста, которая была усыпана фигурками летучих мышей из золота, тяжелыми складками раскинулись на ступенях.

— Вам бы тоже следовало остаться на Бермудах! — прогремел он.

Отбросив спокойный тон, Король более не сдерживал в себе бешенства Юпитера. Температура в зале, и без того ледяная благодаря присутствию монарха, резко упала на несколько градусов.

— Вы обязаны были защищать Нашу собственность вплоть до Абсолютной Смерти!

Подвески на люстрах возмущенно зазвенели, высокие окна в вычурных рамах завибрировали.

— Этот Фебюс бросает на Нас тень, — рычал Король. — Он смеет называться именем, которое древние дали Аполлону, богу солнца, и равным которому здесь, на земле, являемся только Мы.

Мне вспомнились уроки искусства светской беседы времен учебы в Гранд Эжюри. *Аполлон, Сол, Гелиос, Фебюс*: мадам де Шантильи познакомила нас с синонимами для обозначения божественного идола Нетленного.

— Никогда этому преступнику не сравниться с вашим ослепительным блеском, Сир! — со слащавой угодливостью воскликнул адмирал. — Говорят, он бледен, как мертвая звезда, отсюда его прозвище...

НАКАЗАНИЕ

— Избавьте Нас от слухов и предоставьте доказательства из первых рук!

— Дело в том... Он напал в полдень, когда я спал, — едва шевеля губами, признался Мариньи. — В момент abordажа слуги едва успели погрузить мой гроб в спасательную лодку. Прятаться от дневного света — эта наша участь, всех живых мертвецов.

— Вы — не живой мертвец, вы — бесполезная мертвая обуза, чрезмерно раскормленная кровью Наших поданных, годная лишь для ящика.

— Я... Сир... За двести пятьдесят лет, что служу вам, я никогда не подводил вас.

— Что *служили* Мне.

Король поднял мертвенно-бледную руку с длинными острыми ногтями — руку власти, которая в течение трех веков поднимала легионы и разрушала империи. Подобно механическим куклам, швейцарские гвардейцы, растравленные по периметру салона, обнажили шпаги и направились к морякам.

— Мы желаем показательного наказания, — резко бросил Нетленный с высоты своего пьедестала. — Завтра, в ночь с 20 по 21 марта во время праздника весеннего равноденствия для оживления галантной охоты мы выпустим уцелевших смертных в наши сады, а вампиров предадим лучам утренней зари, дабы они прожарились до костей.

Возбужденный шепот пробежал по рядам придворных. Мелкие дворяне радовались скорому исчезновению нескольких вампиров, которые освободят места для *numerus clausus*¹, что увеличит их шансы получить доступ к вечной жизни. Важные мужи королевства,

¹ *Numerus clausus* (лат.) — процентная норма, ограничение численности.

ДВОР УРАГАНОВ

трансмутированные давным-давно, облизывались, предвкушая ожидавший их пир.

— Это... это несправедливо, — пролепетал Мариньи.

Обезумевший взгляд мужчины, направленный сквозь локоны волос, напоминал загнанного зверя, чувствующего приближение расправы. Внезапно его зрачки сузились, челюсть вытянулась, клыки, которые он старательно скрывал во время разговора с Королем, стремительно полезли из десны. Издав хриплый вопль, Мариньи бросился к ближайшей двери. Швейцарский гвардеец, стоявший на пути, не успел защититься шпагой — адмирал распорол ему горло острыми когтями. Два других вампира ринулись за своим вожаком. Смертные офицеры в свою очередь попытались вырваться в кулуар, но несчастные не обладали сверхъестественной скоростью своих командиров: только троим удалось улизнуть, прежде чем стражники преградили им путь.

— Оруженосцы, верните беглецов! — приказал Король.

Как вспышки молнии, передо мной мелькнули силуэты моих товарищей; в венах каждого из них текла кровь Нетленного, удесятерия силу. По неизвестной мне причине я — единственная, в ком королевская эссенция не проявила подобные рефлексy, и последняя, кто покинул зал.

Живот скрутило в узел, когда я ворвалась в темный кулуар. Не только бешеная погоня стала причиной дурноты, но и тот факт, что ради прихоти Нетленного я вынуждена преследовать людей, словно дичь. Выбора нет, необходимо отличиться в его глазах. Все оруженосцы в равной степени мои компаньоны и мои соперники: каждый стремится получить королевскую благосклонность. Я тоже должна ее добиться: чем лучше будет выглядеть со стороны моя преданность тирану, тем удач-

НАКАЗАНИЕ

нее окажется тайная служба на благо Народной Фронды, которая поклялась его свергнуть. Такова моя миссия, мой долг единственной выжившей из семьи фрондеров, зверски убитой солдатами Короля. Мне не забыть моего настоящего имени — Жанна Фруаделак!

Я удвоила усилия, чтобы нагнать мнимых товарищей, которым неведома моя истинная личность. Темноволосая англичанка Прозерпина Каслклифф поймала одного из смертных офицеров. Чуть дальше красавец-метис Зашари де Гран-Домен держал на острие шпаги дрожавшего от страха мужчину. Третий смертный был схвачен Рафаэлем де Монтесуэно, мрачным испанским *кабальеро*¹.

Оставалось три вампира в бегах...

Задыхаясь, я перелетала из одной двери в другую. Пересекала пустынные кулуары, где эхом отражался стук сапог Сураджа де Джайпура и Эленаис де Плюминьи, самого сильного из оруженосцев и самой быстрой среди нас.

Наконец, ворвавшись в салон, куда за все время проживания в Версале никогда не отваживалась заходить, я увидела оруженосца — индийца, удерживающего у ног не одного, а сразу двух вампиров! Его кинжал-халади с двойным лезвием из смертоносного серебра пронзил подколенные впадины бессмертных беглецов. Кривясь от боли, вампиры корчились на навощенном паркете. Смертоносное серебро — самый ядовитый для повелителей ночи сплав, а Сурадж — самый свирепый из воинов.

— Я позабочусь об этих двоих, но Мариньи все еще в бегах, — тихо проговорил оруженосец, бросив

¹ Кабальеро — рыцарь, дворянин в Испании в эпоху Средневековья.

ДВОР УРАГАНОВ

на меня пронизывающий взгляд из-под тюрбана цвета охры. — Поспеши к Эленаис, она гонится за ним по пятам!

Я вынула шпагу из ножен и вновь помчалась по длинным коридорам и кулуарам дворца. На протяжении веков здание постоянно расширялось с целью вместить разрастающееся число придворных. Некоторые отдаленные части все еще застраивались, как и та, где я оказалась сейчас: здесь не было ни люстр, ни канделябров, лишь высокие окна, поделенные на мелкие квадраты, пропускали лунный свет.

— Серая мышь! Берегись: справа! — раздался неожиданный окрик.

Я развернулась, выставив перед собой шпагу, готовившись отразить удар Мариньи.

Но темнота не двигалась: ничего, кроме теней, в глубине которых мерцала гибкая фигура Эленаис.

— Бедняжка! И рефлекс у тебя черепаши, — злобно рассмеялась она.

Девушка шагнула вперед, встав в ореол луны. Бледный луч осветил каштановые локоны-змейки в стиле юрлю-берлю¹, нежное личико, скривившееся в насмешливой эмоции, и перчатку с когтями из смертоносного серебра, натянутую на правую кисть, — излюбленное оружие де Плюмины.

— Если бы Мариньи и правда оказался здесь, ты бы давно отправилась в сырую землю кормить червей.

— Где он? — спросила я, не в настроении парировать ее едкие нападки, в которых Эленаис обрела виртуозное мастерство. — У нас больше шансов изловить его, если мы объединим усилия.

¹ Юрлю-берлю — популярная женская прическа во Франции XVII в.

НАКАЗАНИЕ

На красиво очерченных губах девушки-оруженосца появилась улыбка.

— Ты и я станем командой, как в старые добрые времена? — прошептала она.

Я кивнула. Старые добрые времена, о которых упомянула де Плюмины, были не так уж и далеки: всего три месяца назад, в декабре, я бродила по улицам Парижа в компании Эленаис и Сураджа, выслеживая Даму Чудес, соперницу Короля Тьмы.

— Почему бы и нет, — согласилась напарница.

Подбородком она указала на две парные с резными перилами лестницы, где тусклые ступени растворились во мгле.

— Мариньи бежал туда. Лестницы ведут в новый, недостроенный театральный зал; иди справа, я пойду слева, таким образом мы окружим злодея.

Эленаис направилась к одной из лестниц. В ту же секунду я сбежала по ступеням, стуком каблуков по холодному мрамору пробуждая зловещее гулкое эхо.

Внизу царил сплошной мрак. Но даже если мои глаза не могли видеть, я знала: вампирическое зрение адмирала меня давно обнаружило, и... Скорее! Трутовая зажигалка! Я лихорадочно терла камень, чтобы получить огонь и затеплить свечу, вырванную из ближайшего подсвечника. Пламя высветило фантасмагоричный декор: деревянные скамьи с незаконченной полировкой. Лепные орнаменты, покрашенные наполовину. Барельефы в виде масок: улыбающихся — из комедий, скорбящих — из трагедий. Тяжелые бархатные шторы, свисающие над пустынной сценой. Терпкий запах воска, исходивший от нового паркета, раздражал ноздри.

— Эленаис? — позвала я, одной рукой сжимая свечу, другой — шпагу.

Пустой театр безмолвствовал: ни адмирала, ни де

ДВОР УРАГАНОВ

Плюмины. Возможно, честолюбивая карьеристка специально избавилась от меня и пустила по ложному следу? Хотела единолично поймать Мариньи, а после присвоить все лавры? Как на нее похоже!

Я уже приготовилась повернуться и уйти, но тут мой взгляд зацепился за едва уловимое движение: одна из штор на сцене дрогнула! Мягко, на цыпочках, я приблизилась, выставив перед собой шпагу: долгие охотничьи вылазки в одиночку в родном Оверни научили меня быть легкой, как воздух, бесшумной, как ветер.

Я осторожно скользнула острием шпаги под занавес и... рывком подняла его. За бархатной портьерой, спрятавшись, прятался смертный: дрожащие губы выпускали пар живого дыхания. Я узнала офицера с перевязанной рукой. Он только что был рядом с Рафаэлем. Должно быть, чудом выскользнул из рук испанца.

— Пощадите! — взмолился мужчина.

Его парик сбился, обнажив влажный от пота лоб. Глаза, наполненные ужасом, вывалились из орбит. Этот аристократ находился на содержании Магны Вампирии, но его отчаяние сжало мне сердце.

— По приказу Короля! Встаньте и следуйте за мной! — скомандовала я.

Но он не шелохнулся, парализованный страхом.

— Я... я не хочу закончить свои дни в галантной охоте. Я не заслуживаю такого конца.

— Как и ваш экипаж! Кто из них заслужил перерезанного горла? — огрызнулась я, представив тех простолудинов, что погибли в водах Бермудских островов, пока эта славная кучка богачей спасала свои шкуры от пиратов. — Вы бросили своих матросов, чтобы укрыться в стенах Версаля.

Офицер сдвинул брови: в одно мгновение ужас в его глазах сменился возмущенным блеском униженной чести.

НАКАЗАНИЕ

— Я их не бросал! Это адмиралы и высокопоставленные офицеры — беспринципные придворные, с легкостью предадут своих людей: у них нет никаких моральных преград. Но лейтенант, достойный своего звания, связан с экипажем жизнью и смертью. Я — Этьен де Фабель, и я бился до конца! В то время как Мариньи и высший офицерский состав бежали в разгар шторма, я оставался на палубе, залитой морской пеной и кровью. А потом, внезапно, грозовые тучи разошлись. И я увидел его так же ясно, как вижу сейчас вас...

В тусклом отблеске свечи лицо лейтенанта исказилось от страха, очевидно, он заново переживал кошмар, который потряс его до глубины души.

— Кого вы увидели? — не удержалась я от вопроса, впечатленная его почти осязаемым ужасом.

— *«Ураноса»*.

Бесконтрольная дрожь охватила тело мужчины, по локонам парика заструился пот.

— *«Уранос»* — корабль Бледного Фебюса, его капитана, — шептал лейтенант, — огромное, просто гигантское сооружение. Настолько, что его мертвенно-бледные паруса сжирают все небо. Корабль-цитадель, слишком, чудовищно громадный. Белый, как скелет кита. Невозможно создать подобное на обычной судостроительной верфи руками человека. Говорят, будто сама бездна океана изрыгнула *«Уранос»* из своего чрева. Аккорды, которые вырывались из его Больших Органов, были оглушительнее грохота орудий и шторма — настоящая симфония ада! На палубе моего парусника еще велась сокрушительная баталия, когда я заметил Бледного Фебюса за огромным органом.

Лейтенант тарашил глаза в пустоту.

— Высокая фигура, белая, призрачная... — едва слышно выдохнул он, будто это явление и сейчас, здесь стоя-

ДВОР УРАГАНОВ

ло перед ним. — Я прижал руки к ушам, чтобы не слышать звуков его музыки, но вибрация проходила сквозь ладони, проникая в мой бедный мозг. Сабля обрушилась на мою кисть. Я потерял сознание.

Он показал забинтованную руку, как подтверждение его слов. Я увидела обрубок.

— Очнувшись, я обнаружил себя в море на обломках судна с двумя трупами. Несколько дней спустя меня подобрал голландский корабль и отправил в Версаль, чтобы засвидетельствовать разгром наших судов.

Моя решительность покачнулась. Что, если этот де Фабель не так уж и плох? Что, если он действительно бился, защищая жизни своих матросов? И что, если... я притворюсь, что не видела его? Шансы лейтенанта сбежать ничтожны, но я не желала препятствовать им и молча отступила.

Этьен де Фабель наблюдал за удаляющимся острием моей шпаги. Свечой я указала на лестницу. Слабый проблеск надежды загорелся в глазах военного: он понял, что я его отпускаю.

Мужчина вскочил на ноги, смущенно бормоча на ходу бессвязные слова благодарности, и со всех ног бросился к лестнице. По пустынному театру эхом пронесся топот его сапог: звуки сумасшедшего бега навстречу жизни...

... которые внезапно оборвались.

Неужели оступился, выбившись из сил? В полутьме я приблизилась к лестнице.

В самом деле де Фабель остановился, но не потому, что поскользнулся. Он споткнулся о непреодолимое препятствие: шпагу в руках высокой фигуры. В контражуре¹ лунного света я не могла определить черты не-

¹ Контражур — освещение, при котором источник света располагается позади объекта.

НАКАЗАНИЕ

знакомца, но во дворце, где все придворные носили длинные парики, эта короткая стрижка могла принадлежать только одному...

— Зашари?.. — прошептала я.

— Я думал, ты в руках Мариньи, и поспешил на подмогу. Никогда бы не подумал, что оруженосцу твоего уровня потребуется помощь в поимке обычного смертного, к тому же калеки.

Я сглотнула, не зная, что ответить. Находясь в безлюдном театре, я позволила своему сердцу проявить сочувствие, но в глазах королевского оруженосца нельзя казаться слабой, особенно в глазах того, кого так мало знала. Сердце вновь окаменело, став глухим и твердым.

— Этот негодяй сбежал. Благодарю, Зашари, но я справлюсь с ним без тебя.

Поддавив щемящую боль в груди, я поднялась по ступенькам к лишённому сил лейтенанту, прекрасно сознавая страшную участь, которая ожидала его в руках швейцарских гвардейцев.

Раздался душераздирающий вопль:

— Нет, я не бежал от вас, мадемуазель: вы сами отпустили меня! Потому что сжалились. К вашему милосердию я взываю вновь!

Лицо де Гран-Домена оставалось в тени, но я почувствовала укол его тяжелого, осуждающего взгляда. Юноша всегда демонстрировал непоколебимую преданность Королю... А если он донесет Нетленному? А если тиран усомнится в моей верности?

— Замолчите! — приказала я безрукому. — Этот вздор не спасет вашу шкуру.

Но тот не унимался:

— Вам только на секунду прикрыть веки, вам и вашему товарищу по оружию, и я испарюсь в кулуарах. Никто ничего не узнает!

ДВОР УРАГАНОВ

— Я вас просила заткнуться!

— Какой возраст скрывают эти странные серебристые волосы? — упрямо продолжал несчастный со слезами на глазах. — Семнадцать? Восемнадцать? Возраст моей дочери Анриетты. И такой же непокорный вид. Только от вас зависит, увижу ли я ее снова. Сожму ли в своих объятиях, как делал каждый раз, возвращаясь из плавания.

— Лучше бы Бледный Фебюс отрезал вам язык, а не руку... — бросила я, чувствуя подступивший к горлу комок.

— Несмотря на ваши жестокие речи, вы не такая, какой хотите казаться, я вижу это, — продолжал лейтенант дрожащим голосом. — Вы не похожи на других оруженосцев. На ваших латах изображено ледяное солнце, но под ними бьется горячее сердце молодой бунтарки, жаждущей справедливости.

Я вздрогнула. В попытках воззвать к моему состраданию этот посторонний только что умудрился невероятно точно ухватить мою суть. Не удержавшись, я взглянула на Зашари, чтобы убедиться: не принял ли он слова лейтенанта за чистую монету... Но лицо оруженосца оставалось непроницаемым.

— Довольно! — воскликнула я. — Единственная справедливость, которой я служу, — справедливость Нетленного. Эти латы защищают его верного солдата. Следующий раз, когда посмеете возводить хулу на моего суверена, станет для вас последним.

Моя шпага из смертоносного серебра коснулась горла Этьена де Фабеля. Я стояла так близко к мужчине, что чувствовала на своем лбу его неровное дыхание. Едкий запах пота раздражал обоняние.

— А теперь идите, — тихо ответила я. — Позвольте без лишнего шума отвести вас в камеру.

НАКАЗАНИЕ

Лейтенант не двигался. Проблеск надежды, который я видела в его взгляде, исчез. Глаза беглеца превратились в два темных бездонных колодца.

— Вы обманули меня, — тихо проронил он. — А я, глупец, поверил. — Еще недавно его голос протестовал, защищал, умолял в полную силу, теперь же с губ срывались слабые звуки, едва слышные: голос обреченного, утратившего всякую надежду на спасение. — Я думал, что только бессмертные забавляются человеческими жизнями. Но вы из того же теста. Такая юная, а уже успели ожесточиться, точно столетний вампир. Для вас это всего лишь игра, не правда ли? Подарили надежду на спасение для того, чтобы позже отнять ее.

— Повторяю, я не давала вам возможности убежать, месье, — пробормотала я, вспотевшей рукой сжимая дрожавшую шпагу. — Будьте благоразумны. Примите судьбу с честью, как подобает дворянину.

— Нет чести в том, чтобы умереть, как добыча, на потеху бессмертным придворным. Дворянин не покоряется смерти, он ее обнимает!

Неожиданно арестованный с силой прижал меня к себе. Слишком поздно он понял, что в объятиях встретил свою смерть: моя шпага глубоко вонзилась в его горло.

Потрясенная, я отступила.

Из рассеченной сонной артерии кровь полилась фонтаном, затапливая мраморную лестницу.

Этьен де Фабель рухнул на колени, словно марионетка, которой оборвали ниточки.

Его истерзанное тело кубарем скатилось с лестницы, исчезнув в ночи.

2.

Альянс

— **ИАНА ДЕ ГАСТЕФРИШ, МЫ ОЖИДАЛИ ОТ ВАС БОЛЬШЕГО!** — заявил Нетленный, когда я появилась в салоне Аполлона.

Взгляды придворных обжигали, словно раскаленные угли. Мой нагрудник и кожаные штаны были заляпаны кровью, часть седых волос забрызгана сгустками вязкой жидкости.

Зашари проводил меня, не проронив ни слова. Его молчание удручало больше, чем все нравоучения, вместе взятые.

— Беглецы схвачены. Ваши товарищи должным образом исполнили приказ, — молвил Король с высоты трона, указав на четверых оруженосцев. — Мадемуазель де Плюминьи с блеском завершила операцию по поимке вероломного адмирала.

С торжествующей улыбкой Эленаис гордо вздернула подбородок.

— Все преступники ожидают исполнения приговора за решеткой, — продолжил Король. — Все, кроме того,

АЛЪЯНС

единственного, кто избежал данной участи, встретив смерть.

Несмотря на неподвижность золотой маски, мне показалось, что густая львиная шевелюра суверена раздувалась от раздражения.

Вся липкая от крови, я присела в реверансе, рассыпаясь в извинениях:

— Сожалею, что не взяла его живым, Ваше Величество, но он получил по заслугам.

— Кто вы такая, Гастефриш, чтобы решать судьбу Наших подданных? — ледяным тоном изрек монарх. — Возомнили себя выше Нас?

— Конечно нет, Сир...

— Мы вынесли приговор: умереть в галантной охоте, как вульгарному простолюдину. Вы решили по-другому. Обезглавливание — престижная казнь, уготовленная для знати.

Бесполезно настаивать, что де Фабель не был обезглавлен, а сам бросился на мой клинок и распорол себе горло. Объяснения лишь ухудшат мое положение: никто не смеет возражать Нетленному.

Чтобы отвести от себя удар и смягчить гнев монарха, я склонилась перед ним как можно ниже, почти сложившись пополам. Король, трон и Двор — все исчезло, я ничего не видела, кроме пола.

— У меня нет оправданий, Ваше Величество. Я — Ваша покорная слуга навсегда.

— Несомненно. И Мы нашли применение для вас. Вы отправляетесь к берегам Америки.

Сбитая с толку, я осмелилась поднять голову:

— Америки, Сир?

Для меня Американский континент всегда был чем-то далеким, призрачным. Официально их вице-коро-

ДВОР УРАГАНОВ

левства были частью Магны Вампирии, однако поговаривали, будто Кодекс Смертных в Америке мягче, чем в старушке Европе. Именно на Америку Фронда возлагала главные надежды, на революцию, которая однажды могла бы охватить весь мир.

— Точнее, на острова. Мы решили отправить вас на Антильские острова к пиратам Бермуд.

— На Антильские острова, Сир?.. — задыхнулась я от изумления. — Но моя нога в жизни не ступала на палубу корабля.

— Что ж, пришло время ангажировать вашу ногу и даже руку, потому что я обещал ее Бледному Фебюсу.

Сердце остановилось, когда до меня дошел смысл сказанного. Я открыла рот, но не смогла произнести ни звука.

— Пока вы предавались кровопролитию в наших кулуарах, Мы беседовали с ближайшими советниками, — продолжил Король. — Мы, Людовик, решили, что альянс с одним из самых могущественных пиратов выгоден для Нас. Для прочности союза важно скрепить его узами брака.

Я обратила внимание на бессмертных, столпившихся на возвышении с обеих сторон от трона. Конечно же, дело не обошлось без наводящего страх Экзили — Главного Архиатра¹ Франции, главы гематического Факультета и личного врача Короля. Его мрачная фигура в пурпурной мантии всегда и всюду неотступно следует за монархом. Я также узнала острый профиль Эзешелья де Мелака², министра Армии, и гармоничные черты прин-

¹ Архиатр — в Средние века звание главного врача города, провинции.

² Эзешель де Мелак (1630–1704) — военный министр государственного секретаря по делам войны маркиза де Луауа, прославился жестокой политикой «опустошения земель».

АЛЪЯНС

цессы дез Юрсен¹, министра иностранных дел. Ближе всех к трону стояла маленькая фигурка, потонувшая под огромной седой шевелюрой, завитой щипцами: Мишель де Шамийяр², министр финансов.

— Объясните, де Шамийяр! — приказал Король.

— Трехсторонняя торговля с Америкой — главная составляющая экономики королевства, — начал министр гнусавым голосом. — Мы рассчитываем на колонии, чтобы обеспечивать себя золотом и драгоценными металлами, сахаром и кофе, от которого без ума смертные придворные, а также хлопком, чтобы одевать Двор. Годами пираты беспощадно грабили наши суда, отнимая золото. Карательным экспедициям нашего военно-морского флота никогда не удавалось их уничтожить: столько потерянных шпаг в море, осмелюсь заметить...

Маленький вампир бросил злобный взгляд на своего коллегу маркиза де Мелака, ответственного за военные неудачи. Элита государства постоянно вела подковырные игры, чтобы добиться благосклонности Короля и... опорочить соперника в глазах суверена.

— Корсары — презренные трусы, они избегают прямого столкновения, — огрызнулся Мелак. — Атакуют торговые суда в хвосте флотилий, и не только те, что ходят под французским флагом.

— Именно! — вмешался хрустальный голос принцессы дез Юрсен. — Если мы заключим с ними альянс или, по крайней мере, с самым могущественным из них, то

¹ Принцесса дез Юрсен, Мари-Анн (1642–1722) — французская аристократка. Де-факто была правительницей Испании с 1701 по 1714 г.

² Мишель де Шамийяр (1652–1721) — французский государственный деятель. Занимал пост военного министра и заведовал финансами.

ДВОР УРАГАНОВ

сможем контролировать налеты. Они не только пощадят наши корабли, но и удвоят жестокость в отношении судов иностранных держав, особенно тех, чьи амбиции слишком явственны.

Аллюзия самого высокопоставленного дипломата Магны Вампирии прозрачна: годами вице-королевство Англии стремилось освободиться от покровительства Версаля. Английский флот бросал тень на французский.

— Бледный Фебюс — обыкновенный пират, но Мы предложим ему должность королевского корсара, — изрек Нетленный. — Он заставит остальных пиратов Америки принять Наш закон, продолжит грабить вражеские корабли и напомним иностранным государствам о Нашем превосходстве. Таким образом, Фебюс войдет в орбиту Аполлона, как тому и положено быть. Из двух звезд меньшая должна вращаться вокруг большей. Таков механизм существования небесных светил. — Золотая маска монарха, воплощение солнечного божества, повернулась ко мне: — Говорят, Наш будущий подданный находит удовольствие в тропических бурях? Что ж. Для него мы создадим фьеф¹ Урагана: отрезок моря, где он будет царствовать от Нашего имени. Мы ему предложим статус, благодаря которому ваш собственный престиж, мадемуазель, только укрепится: во время церемонии брака Мы пожалуем вам титулы герцога и герцогини.

Монаршее заявление обескуражило меня, его милость сломила. Я прекрасно знала, что Король сам принимает решения о брачных союзах своих оруженосцев,

¹ Фьеф — в Средние века земли, пожалованные сеньором вассалу на условиях несения службы и уплаты налогов.

АЛЪЯНС

но надеялась, что мой черед придет лишь через несколько лет.

— Почему я, Сир? — запинаясь, пробормотала я.

— Потому что таково Наше волеизъявление. Данный ответ должен удовлетворить вас. Маленькой серой мышью не постичь бессмертное сознание.

Я не могла сказать, что больше раздражало меня — манера Короля разговаривать обо мне как о мебели, которую он мог в любой момент продать по своему желанию, или намек на привязанность, который проскальзывал в его речах. «Маленькая серая мышь» — так любил он называть меня, единственную из его подданных, которую удостоил прозвища.

Я перевела взгляд на остальных оруженосцев. Предложить Прозерпину на свое место? В прошлом я не всегда была искренна с ней, к тому же сомневалась, что Король согласится отправить англичанку для скрепления союза, одна из целей которого ослабить Англию. А вот Эленаис, напротив...

— Ваш выбор делает мне честь, Ваше Величество, — осмелилась я подать голос. — Но не думаю, что я его достойна. У мадемуазель де Плюминьи больше шансов. Она — одна из лучших. Проворнее — мы видели, как ловко она справилась с адмиралом. К тому же богаче. И уж, конечно, намного красивее.

От моих хвалебных слов, сказанных публично, торжествующая улыбка Эленаис стала шире. Нужно сказать, что ее уникальная красота — результат алхимической операции, оплаченной ее отцом, богатейшим бароном Анакреоном де Плюминьи.

— Несомненно, красивее, что не подлежит обсуждению, — согласился Король, словно оплеуху возвращая мне мою собственную неучтивость. — Поэтому я приберег для нее более престижный союз с иностранным

ДВОР УРАГАНОВ

двором, где она будет блистать во благо Франции. Нельзя хоронить сияние красоты за туманами Бермудского моря среди грубых флибустьеров без манер — это было бы непростительным расточительством.

Приглушенные комментарии вместе со сдавленными смешками побежали по рядам придворных, но Король не дал времени разгуляться слухам:

— У вас существенное преимущество перед красивым личиком: блестящий ум, — заключил он, заставив насмешников заткнуться. — И нужно им воспользоваться, чтобы соблазнить капитана Бледного Фебюса и заставить его принять Наши взгляды. Мы рассчитываем на вас, де Гастефриш. Завтра, в ночь равноденствия, вы отплываете в Неаполь, оттуда напрямик к Вест-Индии¹. Не на борту Нашего военного корабля, продемонстрировавшего свою ничтожность, а на судне корсаров, аккредитованном каперским свидетельством² с Нашей подписью. Отправляйтесь готовить багаж и постарайтесь не разочаровать Нас. В этот раз вам предстоит поймать в сети не жалкого лейтенанта в бегах, а будущего герцога!

С этими словами суверен встал, давая понять, что разговор окончен. Широкие полы его горностаевой мантии пробудили ледяной бриз, задувший пламя сразу нескольких канделябров. Нетленный шагнул в кулуар, выходящий в сады. Поток придворных с необъятными париками, шиньонами, украшенными галеонами, хлынул за ним, напоминая стремительные морские волны, готовые поглотить меня.

¹ Вест-Индия — общее название островов Атлантического океана и Карибского моря, расположенных между материками Северная Америка и Южная Америка.

² Каперское свидетельство — правительственный документ, разрешавший частному судну атаковать и захватывать суда, принадлежащие вражескому государству.

АЛЪЯНС

* * *

— Должен же быть способ заставить Короля передумать! — в сотый раз воскликнула я.

— Повторяю, решения тирана так же нетленны, как и он сам, — мрачно возразил Главный Конюший.

С первыми лучами солнца, как только бессмертные во дворце опустились в ледяные гробы, я кинулась в «Гранд Экюри». Официально речь шла о том, чтобы последний день в Версале был посвящен прощаниям со старыми друзьями. На деле я даже не заходила в дортуары и классные комнаты, а напрямик бросилась в кабинет директора школы, откуда мы с ним вдвоем спустились по тайному ходу в чрево здания. Там, на глубине тридцати футов под землей, я смогла излить чувства наставнику. Де Монфокон, как и я, вел двойную игру в Версале, где командовал Народной Фрондой и одновременно играл роль придворного.

День пролетел быстро, часы утекали, как крупинки песочных часов. Был почти вечер, а я находилась в том же состоянии, что и утром. Главный Конюший в унылом старом парике хмуро разглядывал меня. Свет фонаря, падавший с влажного потолка, обрисовывал тяжелые мешки под его запавшими глазами. Мне хотелось хорошенько встряхнуть его, но я не двигалась: этот великан двухметрового роста весил вдвое больше меня.

— *Необходимо* что-то сделать, — взмолилась Наоко. — Нельзя отпускать Жанну завтра на... навсегда.

Юная японка сжала ладони при мысли, что нас навсегда разлучат. Последние шесть месяцев подруга проживала в недрах школы, где де Монфокон удерживал ее с тех пор, как узнал, что ей известна тайна Фронды. У меня вошло в привычку составлять Наоко компанию, когда выдавалось свободное от обязанностей время во дворце. При каждой встрече она показывала мне распи-

ДВОР УРАГАНОВ

санные ею шелка с изысканными орхидеями и лотосами: искусственные цветы заменяли ей те, живые, любоваться которыми она больше не могла.

— Подумайте о Фронде, месье, — настаивала подруга. — Соппротивление не может позволить себе потерять такого ценного агента, как Жанна.

— Фронда не потеряет Жанну, позволив ей вступить в брак с Бледным Фебюсом, — проворчал де Монфокон, поглаживая лохматую козлиную бородку узловатыми пальцами. — Напротив, сможет заполучить еще одного воина, не менее ценного. Достаточно склонить его к нашему делу.

Я не могла поверить своим ушам! Растерянность уступила место ярости:

— Это, верно, сон? Вы тоже решили, как и Нетленный, примерить на себя роль сводни? Так знайте, я не кусок мяса, который можно выгодно продать!

— Бледный Фебюс ничего не предложил, это ты должна предложить ему себя, — продолжил грубиян с самым серьезным видом. — Тебе придется быть убедительной, если не хочешь, продолжая твою деликатную метафору, пойти на убой, потому как его репутация мясника широко известна.

Потеряв дар речи, я вскочила и в бешенстве с размаху пнула свой стул. Ударившись о холодную плитку, его спинка разлетелась на куски. Не теряя самообладания, Главный Конюший укоризненно покачал головой, словно воспитатель, утомленный капризами ребенка.

— Этот шум бесполезен, — пробормотал он. — Ты ничего не добьешься, а другие только потеряют время. Начиная с Орфео, которому придется чинить то, что ты сломала.

Тут же со скрипом отворилась дверь и на пороге появился мастер на все руки, или, правильное сказать, —

АЛЪЯНС

создание, служившее Великому Конюшему, потому что Орфео — не человек, он собран из разных фрагментов человеческой плоти, сшитых между собой. Отшельник покорно приблизился к сломанному стулу, но перед тем как он коснулся обломков, я положила свою руку на его крупную кисть. Прикосновения к коже Орфео, вечно влажной и холодной, усеянной грубыми швами, больше не вызывали у меня отвращения.

— Подожди, — попросила я. — Позволь хозяину хоть раз самому сделать работу.

Орфео поднял на меня свои водянистые нефритовые глаза, два драгоценных камня, оправленных в нелепое лицо болотного цвета.

— Главный Конюший всегда посылает других выполнять за него грязную работу, Орфео, — взорвалась я, дрожа от гнева. — Каждую ночь он позволяет тебе выпускать упырей из логова на расстоянии выстрела из ружья. Прошлой зимой, к примеру, именно меня он отправил в Париж на поимку Дамы Чудес. А Наоко рассказывала, что этот эксплуататор заставлял ее целыми днями корпеть над письмами. Задаром, конечно!

— Наоко — талантливый каллиграф, я использую ее способности на благо Фронды, для составления фальшивых бумаг, — возразил де Монфокон.

— Подходящее слово — *нанимаю*, — поправила я. — Каждый труд заслуживает оплаты, а Наоко работает даром. Что касается этой Фронды, о которой вы мне прожужжали все уши, так я ее в глаза не видела. — Я развернулась, сложив ладонь козырьком над бровями, делая вид, что всматриваюсь в горизонт, хотя вокруг меня высились глухие стены. — Эге-гей! Где вы? Где спрятались, фрондеры? Где так называемая армия, готовая свергнуть Нетленного? Нигде!

ДВОР УРАГАНОВ

Мой возглас эхом отразился в мрачном подземелье, будто мне ответило само небытие: *Нигде... Нигде... Нигде...*

— Прекрасно! Закончила? — сурово поинтересовался де Монфокон, как только стихли последние звуки эха. — Или собираешься развлечь нас еще одним представлением? Знай, что фрондеры повсюду — от Версаля до Парижа и в каждой провинции. Ушли долгие десятилетия на то, чтобы терпеливо оплести Магну Вампирию сетью тайных агентов. К твоему сведению, член Фронды имеется даже среди экипажа «*Невесты в трауре*», судна корсаров, на борт которого ты отправляешься, судя по информации, которую мне удалось добыть. Только потому, что ты не видишь фрондеров, не означает, что их нет. Позволь напомнить, что в течение семнадцати лет ты жила бок о бок с четырьмя из них.

Аргументы де Монфокона жестоки, но справедливы: все детство я понятия не имела, что моя семья состояла в Фронде. Теперь родители и братья мертвы, а их тайна в могиле. Воспоминания о родных подкосили меня: я пошатнулась словно от удара и потянулась за стулом, нащупывая пустоту...

Де Монфокон тотчас подскочил, чтобы не дать мне упасть, осторожно усадил на свое место. Его голос смягчился:

— Я не хотел ранить твои чувства, Жанна, лишь напомнил, из какой ты семьи. Фрондеры живут и в Америке. Вот почему союз с пиратами так важен: чтобы еще больше изолировать Новый Свет от Старого и способствовать процветанию движения сопротивления.

Я кивнула, гнев мой потихоньку утихал.

Прошлой зимой де Монфокон отправил в Америку маленького Пьеро, юного чудотворца, одаренного способностями к ясновидению. И даже больше — кудесни-

АЛЪЯНС

ка, чьи видения породили чудо техники, которое способствовало свержению королевы упырей: магию под названием *электричество*. Главный Конюший решился организовать побег, потому что искренне считал, что по ту сторону Атлантики мальчик будет в безопасности, а его выдающиеся таланты принесут пользу Народной Фронде.

Пожилой мужчина опустил передо мной на корточки, заскрипев суставами, словно сухими бревнами.

— Ты обвиняешь меня в том, будто я заставляю других выполнять грязную работу. Это несправедливо. Уверяю тебя, что, если бы мог, отправился бы туда сам; но сомневаюсь, что мои чары даже под добрым слоем румян и помад покорят сердце Бледного Фебюса.

Образ грозного де Монфокона в гриме куртизанки рассмешил меня.

— Кто знает? — поддразнила я его. — Для начала замените древний, вышедший из моды парик на что-то более современное, в стиле «юрлю-берлю» Эленаис, и, возможно, вы произведете фурор.

Наоко прыснула со смеху. Главный Конюший прижал к своим впалым щекам поникшие локоны, свисавшие с обеих сторон его лица.

— Что ты хочешь этим сказать? Мой парик совсем не древний. Только в прошлом месяце я заказал его завивку, заплатив, между прочим, тридцать су¹.

— Забудьте. Я лишь хотела сказать, что с ним вы не попадете на страницы *Меркюр Галан*².

Сообравив, что я дразню его, де Монфофон нахмурился и проворчал в бородку:

¹ Су — денежная единица и монета Французского королевства в XIII—XVIII вв.

² «Меркюр Галан» — французский развлекательный журнал. Основан в 1672 г.

ДВОР УРАГАНОВ

— Хорошо. Не хочешь — не езжай, я принуждать не стану. Только Король не столь милостив. Сама знаешь: он не терпит возражений. Единственный выход для тебя — тайком как можно скорее покинуть Двор, чтобы скрыться от его гнева. Но в этом случае ты обречена вести жизнь затворницы в подземельях, как Наоко.

— По крайней мере до тех пор, пока подруга не делает мне фальшивые документы, — сказала я, заглядывая в опущенные глаза девушки. — Чтобы я смогла покинуть Иль-де-Франс¹ и даже королевство. Тогда бы я смогла достичь берегов Америки и разыскать там Пьеро. — Я вздернула подбородок, с вызовом глядя на Главного Конюшего. — Я уеду в Новый Свет не для того, чтобы оказаться под опекой мужа, но чтобы вступить в ряды Фронды Америки как свободная женщина.

Де Монфокон разочарованно покачал крупной головой.

— Никто из смертных не обретет свободу, пока на земле господствует эра Тьмы, Жанна, разве ты еще не поняла? Даже в Америке ты будешь вынуждена вести скрытную жизнь, полную страхов и опасностей. Таково существование Пьеро и фрондеров, которым я его доверил. Конечно, ты могла бы присоединиться к ним, участвовать в точечных саботажах против колоний Магны Вампирии, организовать несколько восстаний. Но такой вклад в дело крайне скромен по сравнению с тем, чего бы ты могла достичь, сумей убедить пиратов Бермуд принять нашу сторону. Видишь ли, я тоже получаю новости из Атлантики: Бледный Фебюс пользуется достаточным авторитетом, чтобы объединить остальных флибустьеров. Если они согласятся служить Королю

¹ Иль-де-Франс — регион, охватывающий Париж и его ближайшие пригороды, в том числе Версаль.

АЛЪЯНС

Тьмы, это нанесет смертельный удар Фронде Америки. А если вступят в наши ряды, если отрежут главные морские пути, по которым стекает богатство в Магну Вампирию, это станет поворотной точкой в нашей борьбе. Исторической. — Глаза де Монфокон пылали в отблеске лампы. — Да, Жанна, началом революции.

Он мягко опустил свою массивную руку со стальным кольцом на пальце на мое плечо.

— Невозможно пересчитать жертвы всех, кто, как твои родители и братья, положил жизнь ради надежды на то, что Свет вернется.

— Возвращение Света... — прошептала я, — как в моих видениях.

Словно во сне я вновь увидела улыбки родителей, ласковые лучи молодого солнца, как обещание радостного будущего. Второй раз за последние месяцы я погрузилась в другой, лучший мир, где родные еще живы... и где нет вампиров.

— Судьба призывает каждого сыграть свою роль, — уверенно произнес де Монфокон. — Твоя — самая тяжелая, я понимаю, ведь ты еще так молода! Страшные обстоятельства жизни сделали тебя Сиротой, вынудили день и ночь вести двойную игру, но тебе удалось стать любимым оруженосцем тирана. Теперь же я прошу тебя забыть всех, кого знаешь, и отправиться в путешествие в один конец. Захочешь ли ты этой ночью уехать в Нант, чтобы попытаться завербовать одного из самых могущественных союзников, которого могла бы заполучить Фронда? Или выберешь тайный и более скромный путь, чтобы служить делу? Это решение остается за тобой, обещаю уважать его, каким бы оно ни было.

Я опустила глаза. Было легко спорить с Главным Колючим, когда он выдвигал требования, не давая права голоса. Но де Монфокон — не Король, не циничный

ДВОР УРАГАНОВ

игрок, для которого подданные — пешки. Угрюмая внешность скрывала справедливого человека. И для меня настал момент сделать правильный выбор.

Чего я хочу от жизни? Принадлежит ли она только мне? Родители положили свою во имя дела, которое было выше их... которое сделало их существование значимым.

— «Свобода или смерть», — прошептала я девиз Фронды. Речь шла не о свободе или смерти одиночки в борьбе с судьбой. А о том, что каждый должен быть готовым принести свою жизнь в безвозмездную жертву, чтобы однажды добиться свободы для всех.

Я встретилась со взглядом Наоко, мерцающим, словно поверхность озера. В глазах подруги стояли слезы. Она поняла, что, каким бы ни был мой выбор, мне придется уехать.

— Я встречусь с Бледным Фебюсом, — тихо произнесла я. — Потому что это мой долг. Потому что именно так поступила бы на моем месте мама. — Ощущая комок в горле, я улыбнулась Наоко. — До скорого свидания, ведь я обязательно найду способ однажды вернуться. Ты же знаешь, я — та самая упрямая «деревянная башка».

Она кивнула, мягко качнув шелковистой челкой, густой шторкой падавшей до самых бровей. Наоко, как и я, понимала, что мои обещания — всего лишь слова, а шансы на возвращение хрупки и неопределенны. Я почувствовала ледяное прикосновение, заставившее меня вздрогнуть: это Орфео в свою очередь положил свою руку на мою, будто хотел удержать меня. Он не мог говорить, но нефритовые глаза горели так же ярко, как взгляд Наоко.

— Уповаю лишь на то, чтобы «деревянная башка» не разбилась о другую, более упертую, — прошептала подруга. — Кто знает, что в голове у Бледного Фебюса?

АЛЪЯНС

— Нам неизвестно, — согласился Главный Конюший. — Каковы мотивы этого разбойника, внезапно появившегося ниоткуда? Жажда наживы? Или славы на морских просторах? Или, осмелюсь предположить, любовь к свободе? Тебе предстоит это выяснить, Жанна. Ты должна убедить его, что служение Королю Тьмы превратится для него в порабощение, именно ты, пострадавшая от преступлений Нетленного больше остальных. Бледный Фебюс должен понять, что во главе Народной Фронды он останется собственным хозяином. И даже, возможно, героем человечества. Если всего этого недостаточно, если золото — единственное, что имеет значение для него, тогда постарайся подкупить его, сделать нашим наемником — у фрондеров Америки хватит ресурсов. Как только ты окажешься на островах, наш агент, внедренный в экипаж *«Невесты в Трауре»*, свяжет тебя с представителем нашей организации на Мартинике¹. Этого человека зовут Клеант. Он один из слуг экипажа, приставленных к офицерам-вампирам.

Словно подтверждая торжественность момента, настенные железные часы громко пробили.

— Семь вечера, — объявил Главный Конюший хриплым от волнения голосом. — Наступает ночь, Жанна, скоро откроется «Стена Облавы». Тебя ожидают во дворце. Позволь мне дать тебе последний совет: остерегайся как чумы корсара Гиацинта де Рокайя, капитана *«Невесты в трауре»*. Жестокость этого бессмертного печально известна. Если во время плавания тебе понадобится помощь Клеанта, запомни пароль: попроси стакан сельтерской воды, и он найдет способ переговорить с тобой.

¹ М а р т и н и к а — остров в Карибском море, который относится к Малым Антильским островам. Заморский департамент Франции.

ДВОР УРАГАНОВ

Де Монфокон поднялся со стула, выпрямляя сгорбленную спину:

— В путь! Время пришло.

Он неловко раскрыл объятия и тут же опустил руки вдоль огромного тела, не зная, как поступить. Главный Коноший отвел глаза, но я заметила, как они увлажнились. Тогда я сама обняла его, так же горячо, как когда-то обнимала отца, крепко прижавшись к великану в первый и последний раз в жизни.

3

Свита

КОРОЛЬ ПОТРЕБОВАЛ МОЕГО ПРИСУТСТВИЯ в Галерее Зеркал для последней аудиенции перед моим отъездом.

Не успела я переступить порог огромной залы, как зловещее предчувствие охватило меня. Галерея, обычно кишущая придворными в столь поздний час, оказалась безлюдной. Монарх ожидал меня в одиночестве. Он вышел в центре в длинной мантии под тяжелыми хрустальными люстрами.

— Подойдите, маленькая мышь.

Звуки голоса, отражаясь от огромных застывших зеркал и высоких окон, смотрящих в густую ночь, громко резонировали в пустынном помещении. С беспокойным сердцем, еще взволнованным прощанием с Главным Конюшим, Наоко и Орфео, я приблизилась к суверену, с каждым шагом ощущая понижение температуры. Дрожа от холода, опустилась в глубоком реверансе. Оробевшая перед великолепием монарха в белой горностаевой мантии, я действительно почувствовала себя мышкой у подножия заснеженной горы.

ДВОР УРАГАНОВ

— Поднимитесь, мадемуазель. Очень скоро вам больше не придется кланяться Нам столь низко. Вы станете герцогиней, заведете собственный двор: Двор Ураганов. Давайте пройдемся.

Король протянул руку, помогая мне встать. Длинные пальцы сомкнулись на моей кисти. Ледяные, стальные, как сама смерть. Сердце замерло под кожаным нагрудником: монарх прикоснулся ко мне впервые после той ночи, когда я пригубила «Плоток Короля» из его запястья.

Голова закружилась, я вцепилась в руку монарха, твердую, как камень. Жесткий мех мантии совсем не грел, будто был заморожен телом, которое укрывал. Нетленный зашагал вдоль высоких окон, выходящих в темный парк, увлекая меня, совершенно дрожащую, за собой. За окном стояла непроглядная ночь без луны и звезд. Ничего не было видно. Но я знала, что в этот самый момент в садах ловят «добычу». Сквозь мрачные стекла доносился топот ног, несущихся по гравию, а также возбужденные вопли радости, хрипы отчаяния: галантная охота в ночь равноденствия была в самом разгаре...

— Брачный выезд уже запряжен, — объявил суверен. Находясь вблизи монарха, я чувствовала вибрации его мощного голоса. Они пробирали до самых костей, опускались до глубин души. — Карета ожидает вас возле бассейна Нептуна — бога моря, который отныне будет заботиться о вашей судьбе. Вы отправляетесь в путь перед рассветом, первым этой весной.

Я растерянно подняла глаза на Нетленного. Моя макушка едва доходила до его груди. Но даже с этого ракурса невозможно было заглянуть за золотую маску, так плотно она прилегала к лицу с помощью цепочек, которые утопали в фантастической шевелюре.

СВИТА

Приглушенный голос неподвижными металлическими губами произнес:

— Вам известно, что означает равенство, мадемуазель?

Я пробежалась по закоулкам памяти. В далекие времена на Крысином Холме мама рассказывала мне про смену времен года, показывала альманах лекарственных трав.

— С этого момента день по длительности превосходит ночь, Сир, — прошептала я.

— Верно. Некоторые смертные наивно полагают, что Наше господство ослабевает при наступлении славной поры. Но эта мысль далека от истины. Продолжительность Света длится всего мгновение, после Тьма вновь возвращается в осень.

Паркет трещал под тяжелой поступью монарха, словно под мраморной статуей. Задумавшись, я на секунду повисла на руке Короля. Почему он завел разговор о смертных, надеющихся на победу Света? Какие недоступные мне мысли скрывала непроницаемая маска в нескольких сантиметрах от меня?

— Через несколько часов над садами взойдет солнце, — продолжал Нетленный. — Лучи сожгут Марины и двух офицеров. Узнаете их?

Король остановился перед одним из окон. Я различила темные силуэты: три деревянных креста посередине ночной эспланады¹ с привязанными к ним телами.

— Какая глупость думать, что одно утро может поглотить вечность... — задумчиво обронил Король. — Мы никогда не смиримся с этим невыносимым ограничением в существовании вампиров. Наша империя скоро

¹ Эспланада — широкое, открытое пространство.

ДВОР УРАГАНОВ

обретет власть над днем. Алхимические исследования, которые Мы проводим с Экзили на протяжении десятилетий, вот-вот принесут плоды. Скоро, совсем скоро Наше величие засияет во времени и в пространстве.

Под кожаным нагрудником мое взволнованное сердце забилося сильнее. Впервые Король раскрыл передо мной свои грандиозные планы, слухи о которых наводняли Двор: покорить день. Стать равным Аполлону. Безраздельно царствовать двадцать четыре часа в сутки. Неужели он близок к цели? Но как?

Золотая маска повернулась ко мне:

— Видите ли, маленькая мышь, есть один драгоценный камень, который особенно Нам дорог. Он находится в похищенной сокровищнице у вашего будущего супруга. «*El Corazón de la Tierra*», «Сердце Земли» — так его называют. Редчайший минерал, добытый в абиссальных глубинах мексиканских шахт, в недрах Новой Испании¹. Флотилия, подвергшаяся нападению, доложила, что это исключительный алмаз — тонкий, круглый и крупный, как для игры в жё-де-пом². Он необходим Нам для завершения чрезвычайно важной алхимической работы. Бледный Фебюс может оставить себе все остальное: золото и драгоценности. Но Мы были бы признательны, если бы он вернул нам этот уникальный по своим свойствам камень, который в любом случае бесполезен для него, потому что нужно понимать оккультные науки, чтобы уметь использовать алмаз по назначению. Помните об этом и убедите капитана вернуть «*El Corazón*». Действуйте осторожно, потому что Мы не хотим привлекать излишнего внимания. Тьма свидетель, Наш Двор

¹ Новая Испания — испанская колония в Северной Америке в XVI–XIX вв.

² Жё-де-пом — старинная игра с мячом в XIII–XIV вв. во Франции, Италии, Англии. Пробраз тенниса.

СВИТА

переполнен предателями и интриганами. Вам особенно это хорошо известно после раскрытия заговора де Ля Ронсьера. Но вы пользуетесь Нашим доверием, Мы можем положиться на вас.

Так вот какова цель этого последнего тет-а-тет: помимо официальной миссии Нетленный поручил мне тайную. Он никогда и ничего не делал просто так. Не только мой «блестящий» ум, как недавно подчеркнул монарх перед Двором, стал причиной такого выбора, но и, по его мнению, моя абсолютная верность и преданность.

— Сделаю все возможное, Сир, — с запинкой ответила я, погружаясь в вихрь мыслей, заполонивших голову.

Нужно найти способ до отъезда предупредить Главного Конюшего. Необходимо рассказать ему о том, что Король как никогда близок к своей гнусной цели. Я ничего не знала о «El Corazón de la Tierra», но, возможно, мой наставник в курсе...

— Сделайте больше возможного, — приказал Нетленный. Он сжал ледяные пальцы на моем запястье, рискуя переломить его словно соломинку. — Осенью во время вашего с молодым супругом официального визита в Версаль вы привезете Нам «El Corazón». И тогда на рассвете 31 октября в трехсотлетний юбилей Нашей трансмутации Мы взойдем вместе с солнцем!

Я замерла от ужаса, представив эту картину: Король Тьмы и его Двор покоряют день, уничтожая последнее убежище, доступное смертным. Уже в следующую секунду суверен отпустил мою руку и хлопнул в ладоши:

— Аудиенция окончена! Сейчас мои люди снабдят вас последними рекомендациями перед отъездом.

Тотчас одна из дверей Галереи Зеркал распахнулась, и появились ближайшие советники Короля: Главный Ар-

ДВОР УРАГАНОВ

хиатр Экзили, маркиз де Мелак и принцесса дез Юрсен. За ними следовали три оруженосца: Прозерпина, Зашари и Рафаэль.

— Мадемуазель де Гастефриш, все готово! — объявила министр иностранных дел. — Вас будет сопровождать вторая карета с багажом, заполненным под моим руководством большим количеством нарядов, косметики и украшений.

— Благодарю вас, мадам, — ответила я. — Но я не сильна в искусстве строить глазки и носить парюры¹.

— Что ж, придется учиться. У вас будет четыре недели, чтобы пересечь Атлантику, отточить навыки обольщения и углубить знания о Вест-Индии. Вы воспользуетесь уроками специально подобранной свиты.

Принцесса указала на оруженосцев:

— Трое из ваших компаньонов по оружию отплывают вместе с вами. Прозерпина Каскллифф в совершенстве владеет искусством обольщения, если верить полученному нами длинному списку ее поклонников во время учебы в Гранд Экюри. Уверена, она обучит вас паре-тройке трюков.

Я была шокирована тем, что ко мне приставили преподавателя по искусству обольщения. Но еще больше тем, что даже в школе Гранд Экюри первый дипломат королевства имела осведомителей, докладывающих ей о флирте учеников. Прозерпина заговорщически подмигнула мне. Этой шалости было достаточно, чтобы она стала прежней Поппи с глазами, подведенными угольно-черными тенями, той забавной подругой, с которой кругосветное плавание пройдет легче.

— Зашари де Гран-Домен знает Америку и близлежащие острова, — продолжила дез Юрсен. — Юноша — сын

¹ Парюра — драгоценность, ювелирное украшение.

СВИТА

Филибера де Гран-Домена, крупного владельца плантации сахарного тростника в Луизиане. Юноша подготовит вас к жизни в этом регионе, который отныне станет вашим новым домом.

Луизианец не собирался подмигивать мне. Он хранил такое же бесстрастное, строгое выражение лица, которое поразило меня еще в кулуарах дворца, когда мы вместе с ним обнаружили лейтенанта де Фабеля. Да уж, трансатлантическое путешествие, несомненно, позволит мне лучше понять самого загадочного из оруженосцев.

— И наконец, Рафаэль де Монтесуэно будет выступать переводчиком в переговорах с главным союзником в регионе Антильских островов — Новой Испанией, которая регулярно выплачивает солидный налог Франции золотом. И вам будет полезно выучить несколько элементарных фраз на испанском.

Вечная бледность меланхоличного *кабальеро*, резко контрастирующая с волосами цвета воронова крыла, сегодня была особенно мертвенной. Похоже, отъезд в Америку и его не приводил в восторг.

— Щедрой рукой Король выделил в ваше распоряжение половину своих оруженосцев, — заключила принцесса.

— Половину? — удивилась я. — По подсчетам, нас будет четверо из шести.

— Не включайте себя в их число, — поправила меня вампирша. — С момента вступления в брак вы освобождаетесь от статуса оруженосца. Это почетное место займет вновь избранный в борьбе за «Глоток Короля».

В горле пересохло. Меня, преодолевшую столько испытаний, чтобы добиться цели, чтобы саботировать власть монарха в самом сердце королевства, уже сбро-

ДВОР УРАГАНОВ

силы со счетов? Сумею ли я принести пользу Фронде за тысячу лье¹ от Короля? Надеюсь, совет Монфокона был верен и я сделала правильный выбор.

— Наконец, новобрачной потребуется молодая компаньонка, — объявила принцесса. — Доверенное лицо, которое не просто сопроводит в трансатлантическом вояже, но и останется рядом с вами, когда вы получите титул герцогини. Главный Архиатр лично выбирал сопровождающую.

— Главный Архиатр? — прошептала я, холодея от дурного предчувствия.

Эскили изобразил подобие улыбочки, такой же мертвенной, как оттенок его плешивого черепа, торчащего над огромным белоснежным воротником «фреза»². Я выдавила ответную улыбку, в душе понимая, что от этого монстра, триста лет назад трансмутировавшего Людовика XIV, можно ожидать любых сюрпризов.

— Не стоило беспокоиться, Ваше преосвященство, — мрачно пробубнила я.

— Рад помочь, — прошипел тот.

Он махнул рукой в сторону дверей, обнажив длинные пальцы с желтыми ногтями. Немедленно от стены отошла фигура, которую мы до этого не замечали: невысокая темноволосая девушка. Она двигалась механически, прихрамывая, словно марионетка, которую дергал за невидимые ниточки кукловод. Девушка напомнила мне преподавателя куртуазного искусства — генерала Барвока, инвалида войны, состоявшего целиком из гаек и про-

¹ Лье — старинная французская мера длины. 1 лье = 4,444 км.

² Воротник «фреза» — круглый гофрированный воротник из накрахмаленной ткани, плотно обтягивающий шею. Принадлежность мужского и женского костюма знати в Европе XVI–XVII вв.

СВИТА

тезов. В неровной, прерывистой походке марионетки слышался металлический скрежет. Нетрудно было догадаться, что складки модного платья скрывали сложный механизм, ничего общего не имеющий с человеческим телом. Огромные железные очки, дужки которых были ввинчены в виски двумя тяжелыми болтами, скрывали половину лица, показавшегося мне знакомым...

— Франсуаза дез Эскай! — ахнула Поппи, узнав одновременно со мной нашу бывшую одноклассницу из Гранд Экюри.

Во время учебы Франсуаза была самой прилежной из учениц, любимицей учителей и козлом отпущения для таких негодяек, как Эленаис. Но во время испытаний за «Глоток Короля» с ней произошел несчастный случай: выпав из седла, она попала в inferнальные пасти вампирических кобылиц Нетленного. Перед глазами всплыла та жуткая сцена, когда чудовище откусывало руку несчастной. В конце испытаний все, что осталось от бедной девушки, увезли в лабораторию Факультета. Никаких вестей о ней не поступало, и я думала, что она давно мертва... Но вот, спустя несколько месяцев, Франсуаза появилась вновь. Неужели это растерянное создание, починенное на скорую руку хирургами Факультета, — та самая одноклассница, которую я знала? Или ее создали, чтобы приставить ко мне?.. Шпионить за мной по поручению Экзили?

Я вглядывалась в черты Франсуазы и не находила ответа: толстые, матовые стекла очков, ввинченных в череп, скрывали глаза девушки.

— Мадемуазель дез Эскай не сможет поддержать разговор. Боюсь, что несчастный случай несколько повредил ее разум, — вкрадчивым голосом шипел Главный Архиастр. — Но она, как преданная собака, всюду тенью будет следовать за вами.

ДВОР УРАГАНОВ

Улыбочка на лице Главного Архиаэтра сменилась хищным оскалом. Он раскинул руки, приглашая нас приблизиться: меня и мою свиту.

— Подойдите. Чтобы скрепить ваш тандем, я предлагаю заключить Договор на крови. Ваши руки, пожалуйста!

Кровь — высшая ценность, священные чернила, с помощью которых Магна Вампирия пишет свою смертоносную историю... У меня нет другого выбора, кроме как протянуть руку вслед за Поппи, Зашари и Рафаэлем. Франсуаза молча подчинилась. Главный Архиаэтр вынул из пурпурной мантии золотую булавку и по очереди проткнул нам ладони. Немедленно выступили четыре капли алой крови. К ним присоединилась пятая, фиолетовая, из руки Франсуазы. Кто знает, какую Тьму ввел в ее тело Факультет...

В то время как мы пожимали руки, смешивая кровь и скрепляя договор под зорким оком главного прелата королевства, душераздирающий вопль донесся из садов. Прямо под окнами один из смертных только что оказался в клыках вампира.

— Клянусь Тьмой, придворные веселятся от души, — завистливо воскликнул маркиз де Мелак. — Не терпится к ним присоединиться... как только Ваше Величество позволит, разумеется.

Словно в ответ на страшные речи за дверями галереи раздался звонкий топот бегущих ног и рычание швейцарских гвардейцев на посту.

— Позвольте увидеть Короля, умоляю! — послышался отчаянный крик.

Министр Армии презрительно усмехнулся:

— Только посмотрите, одна из жертв галантной охоты пытается перехитрить судьбу. Искать убежище во дворце — жалкое зрелище! Осмелиться требовать аудиенции монарха — неслыханная дерзость!

СВИТА

За дверью несчастный продолжал кричать:

— Сир, вы слышите меня, заклинаю! Откройте, или я умру!

Де Мелак искренне расхохотался:

— Добыча не из робкого десятка. Ха-ха! «Откройте, или я умру!» Лучше не придумашь! Этот мешок горячей крови на лапках не лишен юмора!

— Замолчите, де Мелак! — приказал громовой голос Короля. — Вместо того чтобы глупо смеяться, как солдафон, лучше бы прислушались в своему вампирическому чутью. Индивид за дверью не имеет ни капли горячей крови в венах. Пусть войдет!

Двери распахнулись, впуская бессмертного и подтверждая сверхчеловеческую интуицию Короля. Длинные рыжие волосы вампира обрамляли юношеское лицо, перекошенное от боли: Александр де Мортанж, виконт Клермонский, не мог сдержать своих пылких чувств.

Он бросился к подножию трона и рухнул на колени.

— Ваше Величество, не отнимайте у меня Диану! Лучше осиновый кол в сердце!

— Каким образом Мы можем отнять у вас то, что вам никогда не принадлежало, де Мортанж? — холодно возразил суверен. — При Дворе союз, не освященный Нашим волеизъявлением, ничего не стоит.

Противно, когда о тебе говорят, как о *вещи*. Однако тиран прав: я никогда не принадлежала Александру. Если он был влюблен в баронессу, каковой меня считал, то я, напротив, никогда не испытывала к нему ничего, кроме отвращения. Да, в прошлом я притворялась в своих чувствах, но исключительно по расчету, когда того требовала ситуация. В душе я всегда мечтала вбить в его грудь кол, тот самый, о котором он только что упомянул,

ДВОР УРАГАНОВ

ведь это он прикончил мою мать там, в Оверни, выпив ее кровь из флакона.

— Мы любим друг друга, — молил вампир. — С той самой первой ночи, проведенной вместе, да что там, с первой секунды.

Александр резко повернулся ко мне. В свете люстр его бледная кожа приобрела мраморный оттенок смерти, свойственный всем кровопийцам. Но дрожание рыжих бровей прекрасно имитировало живые эмоции.

— Скажи, Диана, моя серебристая звезда, — обратился он ко мне. — Скажи нашему великому Королю, что друг без друга мы не проживем.

— Смирись, Александр! — я притворно вздохнула, изображая покорность. — Нужно подчиниться воле Короля.

Де Мортанж испустил полный драматизма вопль, достойный трагедий Расина¹, которые на протяжении последних трехсот лет занимали первые строчки театральных афиш Парижа.

— О, жестокая! Как холодны твои речи!

— Это судьба. Не в нашей власти отказаться от нее.

Появились швейцарские гвардейцы, чтобы вывести Александра из тронного зала. Но последний выскользнул из их рук, вызвав злобные окрики королевских министров. Он подбежал к стене, украшенной лепниной, и... ящером вскарабкался по ней.

Я почувствовала дурноту, наблюдая, как вампир пополз по вертикальной стене. Сцена всколыхнула воспоминания о нашей первой встрече в замке де Гастефриш прошлым летом: виконт магическим образом появился на самом высоком балконе особняка, где находилась

¹ Жан-Батист Расин — великий французский драматург XVII в.

СВИТА

спальня Дианы, в которой я пряталась. Теперь я знала, какое непостижимое чудо помогло ему. Вампир не подчинялся законам гравитации. Тьма проявила в нем этот темный дар.

— Для меня невыносима перспектива вечности без тебя, — крикнул он, свесившись с потолка.

Фалды его камзола болтались в воздухе. Длинные рыжие волосы повисли вокруг лица, искаженного отчаянием. Швейцарские гвардейцы тщетно размахивали алебардами, пытаясь скинуть вампира, как насекомого-вредителя, проникшего в дом.

— Почему ты молчишь? — не унимался де Мортанж. — Ты хочешь моей Абсолютной Смерти? Ты этого хочешь, жестокая?

Спектакль вампира-ящера в одежде придворного вызвал головокружение. Его пронзительные вопли оглушили. Я отвернулась, не в силах больше выносить это зрелище.

Александр тяжело спрыгнул на пол, приземлившись, как рептилия, на четвереньки, чтобы смягчить удар. Швейцарские гвардейцы тотчас схватили его. Виконт позволил себя увести, более не сопротивляясь. Секундой позже золотые напольные часы, украшавшие каминны Галереи Зеркал, пробили в унисон, отметив два часа ночи.

Голос Короля вырвал меня из воспоминаний о нелепом фарсе:

— Де Мортанж не подвергнется Абсолютной Смерти, но лишится всех придворных почестей, что для него, светского льва, будет равносильно смерти. — Нетленный хлопнул в бледные ладоши: — Довольно разговоров! Пришло время покинуть Нас, мадемуазель! Вас ждет карета.

ДВОР УРАГАНОВ

— Благодарю, Сир, — произнесла я, с трудом приходя в себя, — только позвольте забрать последнее платье из Гранд Эkjюри.

...и предупредить Главного Конюшего о том, что вы в двух шагах от заражения дня своим демоническим ядам. Де Монфокон должен во что бы то ни стало узнать о существовании «El Corazón de la Tierra», этого проклятого алмаза, способного закрепить окончательную победу Тьмы над Светом.

Монарх покачал головой, черные локоны фантастической шевелюры взвились, словно разъяренные змеи.

— Надо было думать о платьях, когда вы прощались с друзьями! Не тратьте драгоценное время на старые тряпки. Ваш багаж уже заполнен доверху самыми изысканными нарядами. Приказываем отправляться немедленно, чтобы прибыть в Нант как можно раньше. Увидимся осенью на Нашем юбилее, когда вы вернетесь, чтобы оказать Нам почтение со своим мужем — герцогом.

Король сопроводил свою речь пронзительным абиссальным взглядом, как бы напоминая о нашей тайной аудиенции, о том, что я должна вернуть «El Corazón de la Tierra» в его руки.

Я нервно оглянулась на свою свиту, которая отныне каждую секунду будет ходить за мной по пятам. Удастся ли за пределами дворца убедить их дать мне минутку, чтобы заглянуть в Гранд Эkjюри? С Поппи не должно быть особых проблем, и Рафаэль кажется слишком погруженным в свои черные мысли, чтобы думать о чем-нибудь еще. Но Зашари, несомненно, будет с точностью до буквы следовать всем приказам Короля, и кто знает, какотреагирует то существо, в которое превратилась Франсуаза дез Эскай?

СВИТА

Я ломала голову над подходящими аргументами, убедительными для непреклонного оруженосца и новой компаньонки, как чья-то ледяная рука опустилась на мою кисть. На этот раз ничего общего с жуткой хваткой Короля Тьмы я не ощутила: прикосновение было мягким и деликатным, но в то же время сильным.

Я повернулась, чтобы встретить взгляд принцессы дез Юрсен. Из всех вампиров при Дворе, которых я видела близко, она всегда казалась мне более... живой. Ее кожа отличалась розоватым сиянием, которого не было у других бессмертных. Но вблизи я заметила, что этот цвет — плод искусного макияжа: крупинки пудры мерцали на ее щеках, на этой давно умершей плоти.

— Идемте, Диана, не возражаете? — мягко велела она.

— Не понимаю, мадам, — пролепетала я. Ужасная догадка пронзила меня. — Вы хотите сказать... вы едете с нами?

— Ваш брак — международный альянс. Само собой разумеется: как министр иностранных дел, я буду сопровождать вас до самых границ королевства.

4

На борт!

НЕСКОНЧАЕМУЮ ПЫТКУ, вот что я испытывала с момента своего отъезда из Версаля.

Наш кортеж ехал без остановок, меняя лошадей на почтовых станциях. Ночи я проводила на обтянутом бархатом диванчике, который делила с дез Юрсен и дез Эскай, — жестокая ирония, как прообраз моей будущей жизни в море среди морских ежей и рыбьей чешуи¹. На противоположной стороне расположились три оруженосца. Дипломат, в совершенстве владеющая искусством светского разговора, с приятной улыбкой, не покидающей ее лица, часами умело вела разговор с нами, сыпала бесконечными анекдотами и историями из многовековой жизни при Дворе. Но за всей болтовней от меня не укрылся ее внимательный изучающий взгляд. При свете фонаря, раскачивающегося на потолке кареты, она как будто нащупывала мое уязвимое место.

¹ Здесь игра созвучных французских слов: Ursins — имя принцессы и oursin — морской еж; Escailles — имя одноклассницы и écaille — чешуя.

НА БОРТ!

Днем принцесса отдыхала в гробу в люке кареты, но я не чувствовала себя свободнее. Отвратительная компаньонка неотступно следила за мной пустыми глазами, размытыми за толстыми стеклами очков. Закрывала ли она хотя бы иногда веки за этими чудовищными линзами? Может, Факультет сознательно лишил ее способности спать, так же как и способности говорить? Я ни разу не видела, чтобы девушка ела или пила, казалось, она перестала быть живой плотью, превратившись в машину.

Зашари и Рафаэль тоже хранили угрюмое молчание, каждый погруженный в свои мысли. И только Поппи нарушала монотонную череду своих игривых восклицаний взрывами хриплого фирменного смеха. Она была счастлива наконец увидеть Америку, страну, о которой так долго мечтала.

— Тебе повезло! — сказала мне подруга на пятый день, накануне нашего прибытия в Нант. — Какая интересная жизнь, полная приключений, ожидает тебя в тропиках! Тогда как мы должны будем вернуться в гризайль¹ Версаля, согласен, Заш?

Компания подозрительного луизианца не раздражала девушку, напротив, еще во время учебы в Гранд Экюри она признавалась, что испытывает к парню тайные чувства.

— Тропики так же мрачны, как и Версаль, я кое-что об этом знаю, — неприветливо отозвался юноша. — А в остальном место оруженосца там, куда призовет его Король.

Поппи закатила глаза:

— О-ля-ля! Я будто слышу Сураджа! Долг прежде всего, да? — Девушка поднесла руку к виску, изобразив во-

¹ Г р и з а й л ь — однотонная живопись, чаще всего в оттенках сепии или серого.

ДВОР УРАГАНОВ

инское приветствие. — Вуаля! Бравые солдатики Магны Вампирии: испанец в вечном трауре и очкарик с зашитым ртом. Чувствую, здорово повеселимся в дороге.

Ее шутовство не тронуло Зашари. Я же под прикрытием улыбки сжала зубы. Англичанка уже оплакивала свое возвращение в Версаль, а я бы дорого отдала, чтобы на часок вернуться и предупредить Главного Конюшего о грозящей опасности. Необходимо найти способ сообщить о существовании «El Corazón». Будучи эрудитом, он наверняка знал, какое значение имеет этот алмаз и каким образом Король намерен использовать его. Монфокон мог бы организовать контрудар или, по крайней мере, подготовить Фронду к беспрецедентному нападению кровососов. Но как связаться с ним? Почтового ворона могли перехватить, к тому же я находилась под постоянным наблюдением.

Слишком возбужденная, чтобы обратить внимание на мои горести, Поппи открыла окно кареты, позволив ветру играть с ее непослушными прядями, которые выбились из феерического шиньона, подхваченного джинсовой лентой с неровной кромкой.

— Ммм, этот йодированный аромат! *Delicious!*¹ — воскликнула она, прикрыв угольно-черные веки. — Я его узнаю среди тысячи: запах моря!

В отличие от меня, родом из деревушки, затерянной между двух гор, Поппи родилась на морском побережье.

— Море... — повторила я, пробуя на вкус это слово. — Никогда его не видела... Только в книжках.

Я задумчиво блуждала взглядом по бретонскому небу, затянутому тучами. Похожа ли морская пена на рваную белизну облаков? А морская качка на укачивание кареты? У меня не получалось представить океан.

¹ *Delicious* (англ.) — восхитительный, вкусный.

НА БОРТ!

Мой утомленный мозг, день за днем напрасно пытаюсь найти способы незаметно связаться с Главным Конюшим, вымотался, истощился. Ему хотелось отрешиться от всего...

...забыться...

...уснуть...

Волна убаюкивает меня и уносит.

Все еще плавные движения кареты?

Или уже воды Атлантики?

Я устала в темноту. На деревянных балках над моим ложем, где я расположилась, танцуют блики слабого огня. Разве на борту королевских кораблей есть камин? Сомневаюсь...

Комната не похожа на каюту, а плавные покачивания — на морские волны. Чем дольше я рассматриваю потолок, тем больше знакомым он мне кажется. По балкам тянутся неразборчивые фразы: мой отец, аптекарь, имел привычку вырезать на досках цитаты из любимых книг. И это знакомое лавандовое саше на стене: мама, травница, мастерила такие, чтобы очищать воздух нашего жилища. Значит, я в своей комнате на Крысином Холме!

Охваченная волнением, я пытаюсь встать, но у меня не получается: конечности перевязаны прочными лентами. Я отрываю голову от подушки, чтобы посмотреть, в чем дело, и испускаю вопль: мое тело уменьшилось! Длина его не больше нескольких десятков сантиметров. Оно туго завернуто в белую ткань, точно тельце мумии в миниатюре.

Внезапно чья-то тень склоняется надо мной, заслонив свет камина. В панике, я извиваюсь всем телом, чтобы высвободиться, но безуспешно.

— Тихо, малышка.

ДВОР УРАГАНОВ

Я замираю. Этот голос. Голос моей мамы. Покачивание остановилось, потому что мама перестала качать колыбель. Она хочет освободить меня от тесного кокона. В размытом контражуре тлеющего огня я не могу разобрать ее черты, но слышу аромат шалфея и розмарина. Сердце успокаивается. Длинные проворные пальцы развязывают пеленки, которые давят на мои плечи. Я тянусь к маме, чтобы обнять, — о, какие же у меня короткие и пухлые ручки, совсем крошечные! Мама берет мою руку в свою, крепко сжимает ее, чтобы обездвизжить: я — гномик во власти гиганта.

Холодный блеск металла привлекает мое внимание. Мама сжимает в руке острый предмет. Это... ипприц? Она направляет иголку в мою руку. Быстрым движением делает прокол. От боли и страха я захожусь в крике.

Я распахнула глаза, сдерживая крик, готовый разорвать горло. Мои ноги неистово дергались, как у повешенного, чьи конечности свободно болтались в воздухе. Прищурившись, я узнала обстановку: диванчик, на котором уснула, сумерки, просачивающиеся сквозь окно кареты. Пурпурно-красные.

Кошмар!

Это всего лишь кошмар. Несколько месяцев он не мучил меня. Последний посетил в Париже, в середине зимы. Каждый раз, когда я умирала во сне при страшных обстоятельствах, ситуация повторялась позже, наяву, в реальной жизни. «Глоток Короля», видимо, проявил во мне способность видеть вещие сны — без сомнений, это был мой темный дар. У каждого оруженосца, пригубившего кровь Короля, он свой.

Однако сегодняшний сон иной. Я находилась не в будущем, а в прошлом. Крошечное тельце было моим. Тесные простынки, в которых меня запеленали... Я — тот

НА БОРТ!

младенец в люльке. Это мои воспоминания из раннего детства? Нет! Не может быть! Мама никогда не брала в руки шприц, отец занимался забором крови у жителей деревушки и делал это с тяжелым сердцем, вынужденно: Гематический Факультет обязывал аптекарей каждого населенного пункта Франции собирать десятину. При этом папа не трогал детей в возрасте до семи лет.

Кошмарное видение не могло быть моим воспоминанием. Вероятно, душевные муки от разлуки с родителями спровоцировали одиозную фантазмагорию, причудливую галлюцинацию. Постепенно мираж тускнел в моей памяти.

— Диана, все в порядке? — прозвучал обеспокоенный голос.

Я растерянно подняла глаза. На диванчике напротив с участием взирала на меня Поппи. Рядом сидели Зашари и Франсуаза, но никаких следов присутствия Рафаэля не было.

— Просто дурной сон. Задремала на минутку.

— На минутку, ну ты скажешь! — воскликнула подруга. — Ты спала как убитая! А мы уже час, как в Нанте.

В Нанте?.. И в самом деле, карета не двигалась. Через окно темнели фасады портовых зданий; крыши домов, над которыми кружились чайки. Я прислонилась лбом к стеклу, сощурившись от солнечных лучей. И увидела его: море! Оно ослепило меня. Никогда в жизни я не видела ничего подобного. Оно было невероятно огромным. Бесконечным, головокружительным, пламенеющим в лучах заходящего солнца. На закате вырисовывался лес из мачт гавани, на набережной силуэты матросов исполняли замысловатые балетные па.

— Посмотри, вон наш корабль, — Поппи указала на абсолютно черное, от корпуса до парусов, судно. — «Невеста в трауре». Мы ждем ночи, чтобы, когда проснет-

ДВОР УРАГАНОВ

ся принцесса, взойти на борт. Рафаэль воспользовался остановкой, чтобы размять ноги.

Кровь запульсировала в висках: *вот он, мой шанс!*

— Мне тоже нужно пройтись, — произнесла я.

Зашари нахмурился:

— Принцесса дез Юрсен не давала разрешения.

— А Рафаэль постучал по крышке гроба перед тем, как прогуляться? Я не собираюсь чайкой улетать отсюда. Вернусь до захода солнца.

Поппи немедленно согласилась со мной. После пятидневного вояжа без возможности уединиться с оруженосцем девушка страстно желала остаться с ним тет-а-тет:

— Позволим ей перевести дух, Заш. В любом случае очкарик последит за ней, следуя по пятам.

В самом деле, едва я двинулась в сторону двери, как Франсуаза сделала то же самое. Каждый ее жест сопровождался резким металлическим скрежетом. Что ж, придется смириться с надоедливой компаньонкой... во всяком случае пока.

Я ступила на мостовую. После морского зрелища, которое ослепило, симфония звуков взорвала слух: крики чаек и докеров¹, хлопанье парусов на ветру, плеск волн о корпуса судов. Мощный запах йода и морских водорослей взбудоражил сердце, как и вид вздымающихся вдалеке волн. Оставив позади карету, я направилась в конец гавани к «*Невесте в трауре*». Вблизи черная машина корабля впечатлила еще больше. Единственным светлым пятном был флаг, развевающийся на корме, белое полотнище с золотой летучей мышью. Знамя Франции. Нос корабля украшала гальюнная фигура — женщина

¹ До кер — портовый рабочий.

НА БОРТ!

в траурном платье с вуалью на лице. Сама мрачная невеста в трауре...

Я пробралась сквозь толпу рабочих, заканчивающих разгрузку продовольствия, на понтонный трап, по которому можно было взойти на корабль.

— Эй вы, дамы! — крикнул солдат морской пехоты, вооруженный ружьем. — Никто не вправе подниматься на борт без разрешения капитана Гиацинта де Рокайя!

Я проскользнула мимо охраны и легко перепрыгнула на борт, но Франсуаза не столь проворна — механические суставы, которыми одарил ее Факультет, замедляли движения несчастной. Наконец-то я освободилась от этой прилипалы! Натертая черным сияющим воском палуба отражала небо, как обсидиановое зеркало¹.

— Доброго денечка! — прокричала я в воздух. — Я — Диана де Гастефриш, подопечная Короля и ваша пассажирка! Как я рада вскоре отправиться вместе с вами в море!

Матросы замерли и, отложив мешки и такелаж², повернулись ко мне, вытаращив глаза. Большинство лиц были обезображены шрамами и рубцами, изборождены порезами. Лица корсаров, убийц, привыкших вспарывать животы и резать глотки экипажам, враждебным Франции.

Пользуясь вниманием, я решила идти до конца:

— Путешествие изнурило меня, я умираю от жажды: есть ли среди вас тот, кто может предложить стакан сельтерской воды?

¹ Обсидиановое зеркало — зеркало из стекла вулканических пород. Используется в магических ритуалах.

² Такелаж — работы, связанные с погрузкой, разгрузкой, перемещением тяжелых, крупногабаритных грузов и приспособлений.

ДВОР УРАГАНОВ

Я принялась внимательно изучать грубые, обветренные лица, ожидая знака, натываясь на озадаченные и враждебные взгляды... пока не встретила светлые, нервно моргающие глаза. Они принадлежали мужчине сорока лет с тонкими усиками. Его ливрея прислуги окончательно убедила: это Клеант, камердинер, о котором говорил Монфокон.

— Следуйте за мной, мадемуазель, — отрывисто произнес он. — Я проведу вас в камбуз.

Я поспешила за ним, матросы вернулись к работе. Беглого взгляда через плечо хватило, чтобы убедиться: солдаты удерживали противоборство Франсуазы и следовать за мной не решались, особенно после того, как я публично и громко заявила о своей причастности к Королю.

Мы с камердинером спустились по трапу и прошли на вторую палубу, где находилось бревенчатое помещение, заполненное сковородами, кастрюлями и чашами. Клеант закрыл за собой дверь.

— Не думал, что ты так скоро прибегнешь к паролю, — прошептал он, переходя на «ты», как было принято среди братьев и сестер по оружию в Народной Фронде. — Мы еще даже не снялись с якоря. Ты, должно быть, чертовски ловка, раз смогла улизнуть от вооруженных солдат. Капитан Гиацинт... если он когда-нибудь узнает, что ты взошла на борт без его ведома!

При упоминании имени капитана, который, должно быть, спал где-то здесь в недрах *«Невесты в трауре»*, глаза камердинера нервно дернулись. Я вдруг задалась вопросом, а кто этот фрондер, который, рискуя всем, проник на корабль, принадлежащий Королю Тьмы. Но знакомство подождет: время на исходе.

— У меня не было выбора, — торопливо объяснила я. — Мне необходимо связаться с де Монфоконем до

НА БОРТ!

моего отъезда. Я под постоянным надзором свиты, ты — единственная надежда. Есть ли другие фронтеры в этом городе, кто мог бы доставить сообщение в Версаль?

— Да, но уже почти вечер и скоро мы снимемся с якоря... — неуверенно пробормотал Клеант.

— Тогда нужно действовать быстро.

Я рассказала своему союзнику обо всем, что знала: об отвратительном королевском проекте покорения дня и о мистическом алмазе, добытом в Мексике, способном материализовать эти планы, если Нетленному удастся выманить его из рук Бледного Фебюса. Ошеломленный Клеант бледнел прямо на глазах. Через некоторое время мы с ним вернулись на первую палубу.

— Мадемуазель де Гастефриш уголила жажду, она хочет присоединиться к своей свите, — объявил Клеант солдатам морской пехоты. — Главный кок попросил меня забрать редкие специи, которые забыл на рынке. Я сбегаю за ними.

— Поторопись! — приказал ему матрос, чью надбровную дугу пересекал глубокий шрам. — *«Невеста в трауре»* не будет ждать тебя из-за нескольких пучков перца.

Клеант умчался, солдаты, удерживающие Франсуазу, отпустили ее.

— Не в обиду будет сказано, мадемуазель, но ваша подруга совсем не разговорчива, — обронил один из них.

— Скажем, разговаривает она кулаками, — подхватил другой.

Я заметила его подбитый глаз, в отличие от глаз Франсуазы, которые, как и прежде, скрывались за защитными линзами. Красноватый вечерний свет брезжил на болтах, ввинченных в виски, которые удерживали эти окуляры. Сложно было сказать, что больше раздражало меня — ее отсутствующий взгляд или безмолвие... Стало вдруг интересно, какие винтики приходили в движе-

ДВОР УРАГАНОВ

ние в этой голове за толстыми стеклами? Остались ли у девушки мозги, или Факультет заполнил черепную коробку обычными шестеренками? Она молча следовала за мной, как собака, вечную преданность которой мне обещал ужасный Экзили.

У нашей кареты царило заметное оживление. Вероятно, министр уже проснулась? Непохоже. Вечер еще не наступил, хотя уличные фонари зажглись на фасадах зданий, а значит, принцесса еще покоилась в гробу. Зашари и Поппи, напротив, стояли возле кареты. Луизианец, позабыв о своей обычной сдержанности, злился на одного важного буржуа, одетого в дорогой редингот¹, расшитый золотой нитью. Позади них толпились тени понурых, сгорбленных людей, выстроившихся гуськом. Их темная кожа почти сливалась с сумерками: африканцы в лохмотьях. Они садились на пришвартованный рядом корабль, такой же толстопузый, как и его владелец. Сердце сжалось при виде тяжелых цепей, сковывающих пленников друг с другом. *Рабы*. Когда-то на Крысином Холме те редкие книги, которые я могла прочитать о рабстве, вызвали у меня отторжение, но зрелище этой ужасной практики в жизни было во сто раз хуже.

— Рабство запрещено на территории Франции, — возмутился Зашари.

Впервые я видела его таким. Последний отблеск заката отбрасывал пылающие лучи на молодое лицо, объятое гневом. Издалека доносились крики чаек, бурно ссорившихся над остатками улова от рыболовных судов, возвращающихся в порт.

— Мы на французской земле транзитом, — возразил судовладелец. — Речь идет о простом образце племени с западных берегов Африки, который я привез в Нант,

¹ Р е д и н г о т — сюртук для верховой езды.

НА БОРТ!

чтобы мои компаньоны оценили качество. Дело уже сделано: джентльмены согласились, что это отребье солидное и годится к полевым работам. Мой невольничий корабль, прежде чем отплыть в колонии Америки, сначала отправится в Дагомею¹ пополнить трюмы сотнями других экземпляров.

— Дайте им хотя бы воды и хлеба, — прорычал Зашари, сжимая кулаки.

Судовладелец равнодушно пожал плечами:

— Я не Крез². Вода в ограниченном количестве, так же как и еда.

— Как вы смеете ограничивать этих бедных людей? Вы жируете за их счет!

Буржуа надулся. С его презрительных губ готовы были сорваться оскорбления, но он передумал, увидев королевскую эмблему солнца, вытисненную на нагруднике Зашари.

— При всем уважении, месье оруженосец, эти существа — всего лишь выючные животные, — произнес он примирительным тоном. — Обыкновенный товар, торговля которым обогатит как казну королевства Франции, так и мою.

Толстяк вытащил из редингота дворянскую грамоту, скрепленную печатями.

— Вот мое разрешение на работорговлю, выданное в законном порядке министерством торговли Его Величества.

Зашари — первоклассный фехтовальщик. Ему достаточно вынуть из ножен шпагу, чтобы одним ударом перерубить и документ, и его владельца. Но он не двинулся, глядя на бумагу, словно она превратилась в непреодоли-

¹ Дагомея — африканское государство, ныне Бенин.

² Крез — царь Лидии, известный своим несметным богатством.

ДВОР УРАГАНОВ

мую стену. Документ напомнил ему, что постыдная работорговля одобрена волеизъявлением его Короля, суверена, которому он поклялся в абсолютной верности.

— Вот вы и образумились! — обрадовался торговец, убирая гнусную бумагу. — Судя по цвету вашей кожи, вы родом с островов. С плантациях Луизианы, верно? Сын хозяина и рабыни, я бы сказал. Черный Кодекс дает право на свободу таким отпрыскам.

Лицо Зашари оставалось твердым и замкнутым, губы плотно сжатыми, как и его кулаки. Он мог бы сбить спесь с отвратительного типа и гордо заявить о себе, как о сыне Филипа де Гран-Домена, своего отца, которого принцесса дез Юрсен представила нам как самого могущественного плантатора Луизианы. Но юноша не сделал этого. Зарево пламенело на его смуглой коже, черные глаза испепеляли ненавистью.

Буржуа воспринял молчание юноши как согласие.

— Я так и думал. Вместо того чтобы спорить, не лучше ли заняться делами. Не нужны ли плантации вашего отца дополнительные рабочие руки? — Толстяк повернулся к несчастным, которые уже поднялись на невольничье судно. — Я намерен погрузить шестьсот пар свежих рук в Дагомее. За вычетом неизбежных потерь во время трансатлантического рейса, думаю, через шесть месяцев смогу доставить пятьсот в Новый Орлеан. Вот моя визитка.

Он сунул карточку в руку Зашари, развернулся на каблуках и направился в сторону одного из роскошных зданий на набережной. Я с ужасом смотрела на эти высокие колонны, сложную лепнину, построенную на деньги от торговли людьми...

— Мне жаль, Заш, — прошептала Поппи, мягко коснувшись руки оруженосца, но юноша мрачно отмахнулся:

НА БОРТ!

— Жалость тут не поможет.

Подруга нахмурилась. С ее губ, покрытых темно-красной помадой, готовы были слететь новые слова утешения, но помешал оглушительный звон. Колокольни Нанта оповещали о начале комендантского часа.

Когда последний удар набата стих, из кареты донесся гулкий скрежет — шум открывающегося люка. Сначала на мостовую ступила алебастровая ножка в изящной туфельке. Затем, грациозно склонив голову на лебединой шее, появилась принцесса. Она разгладила складки платья из шелкового дамаста¹ цвета мальвы², поправила кружевную вуаль на волосах. Вампирша благоухала свежестью, как утренняя роза.

— Вот мы и прибыли! — пропела принцесса хрустальным голосом, окинув внимательным взглядом набережную. — К берегам, где наши пути разойдутся. — Длинные ресницы ее дрогнули. — А где кабльеро де Монтесуэно?

— Еще не вернулся с променада, — ответила Поппи. — Насколько знаю, прощается с лошадьёю. Кажется, людям он предпочитает животных.

— Хорошо. Пока ждем его, скажем последние слова друг другу. У меня подарок для вас, мадемуазель де Гастефриш.

— Подарок? — удивилась я, едва ли обрадовавшись. — Ваше общество во время путешествия стало самым прекрасным подарком для меня.

— Да, но кто будет рядом, когда вы останетесь одна в морском герцогстве? Компаньонка, которую назначил Главный Архиатр, вряд ли поддержит разговор. Позвольте представить вам вторую, более словоохотливую.

¹ Д а м а с т — шелковая узорчатая ткань из г. Дамаск, Сирия.

² М а л ь в а — цветок сиреневого цвета.

ДВОР УРАГАНОВ

С этими словами принцесса обернулась к кучерам:

— Прибыла ли моя гостья?

— Да, мадам. Мы ее встретили, пока вы отдыхали.

Мужчина открыл дверцу второй кареты, той, в которой везли мое приданое новобрачной. Я увидела молодую особу в платье из бежевой фланели, более скромном, чем пышные туалеты придворных дам. Две длинные светлые косы по обеим сторонам от лица, тронутого веснушками, блестели в ореоле уличного фонаря. Внезапно меня охватила паника. Я никогда в жизни не видела эту девушку, однако знала ее. Бледные голубые глаза... Маленький курносый нос... Высокий выпуклый лоб.

— Вуаля! Мой подарок! — объявила принцесса. — Теплая встреча после долгой разлуки.

После разлуки? Я вымученно улыбнулась, не понимая, лишившись дара речи. Незнакомка обратилась ко мне, первыми же словами пригвоздив к месту.

— Дорогая кузина!

Живот скрутило от ужаса, колени подкосились. Вот почему черты ее лица мне знакомы! Они напомнили Диану де Гастефриш — ту, настоящую, которую я убила, спасая свою шкуру, чтобы после узурпировать ее личность. Я считала, что со смертью баронессы, как и смертью ее отца, род де Гастефриш навсегда угас. Я и помыслить не могла о дальних родственниках.

Растерянный лепет сорвался с моих губ:

— Я... э...

— Меня тоже переполняют эмоции, — прошептала девушка. Глаза ее блестели от слез. — Мы давно потеряли связь друг с другом.

— Слишком давно.

— Как мне вас не хватало!

— Вас... мне вас тоже...

НА БОРТ!

Сердце мое неистово билось, грозя выскочить из груди. Рев чаек отдавался в ушах, оглушая сильнее, чем звуки набата. Достаточно малейшей детали, чтобы эта новоявленная кузина немедленно догадалась: я не та, за которую она меня принимает. Достаточно одной-единственной фразы, чтобы девушка раскрыла мое самозванство перед близким советником Короля и преданными ему оруженосцами. Как давно она не видела настоящую Диану де Гастефриш? Сейчас эмоции от встречи могли притупить ее воспоминания, а тусклый вечерний свет затуманить взор. Но завтра, при дневном свете будет ли «кузина» все так же пребывать во власти иллюзий?

Незнакомка шагнула ко мне, раскрыв объятия.

— Дорогая Диана! — воскликнула она.

— Дорогая... кузина, — пробормотала я, понимая, что даже имени ее не знаю.

Принцесса дез Юрсен улучшила минуту, чтобы вмешаться:

— Прюданс приняла мое приглашение, не колеблясь ни секунды. Когда на прошлой неделе стало известно о вашем отплытии, я отправила своих агентов с депешей в бретонскую ветвь вашего рода с материнской стороны — де Керадек. Кузина простилась с родителями, чтобы с этого дня связать свою жизнь с вами.

Прюданс де Керадек, таково было имя девушки, отошла на шаг, чтобы лучше рассмотреть меня в тусклом свете фонаря.

— Я хотела приехать раньше, Диана, — голос ее дрожал. — Помните, в детстве мы были так близки, разговаривали обо всем на свете. Жизнь развела нас, но я так и не встретила друга ближе, поэтому завела дневник, которому уже много лет доверяю свои секреты.

ДВОР УРАГАНОВ

«Не так уж они долги, эти годы», — подумала я. Чем отдаленнее воспоминания этой «родственницы», тем легче мне удастся обмануть их... пока я не найду способ избавиться от девушки навсегда.

— Как я обрадовалась, увидев ваше имя в газете, когда вы одержали победу за «Глоток Короля» в прошлом году! — продолжала она. — Какое облегчение испытала, узнав, что вы выжили во время покушения на вашего отца, дядюшку Гонтрана. Но ворота Версаля закрыты для мелких провинциальных дворян, таких как я и мои родители. Мы следили за вашими успехами издали, листая *Меркюр Галан*. — Прюданс перевела взгляд, полный слез, на министра иностранных дел. — Мне никогда не отблагодарить вас в полной мере, мадам дез Юрсен, за то, что вы пригласили меня.

— Это вполне естественно. У вас будет время наверстать упущенное во время трансатлантического путешествия. Однако пришло время отплыть. Монтесуэно еще не вернулся?

Кучера покачали головой.

— Тем хуже для него. Идемте.

Мы направились к кораблю, принцесса шла рядом с Зашари и Поппи, а я между Франсуазой и этой... «кузиной». Простой народ успел укрыться в своих жилищах, суета в порту уступила место мертвой тишине. Кучера шли за нами, нагруженные тяжелыми сундуками с моим приданым. Смотря прямо перед собой, я не смела повернуться к Прюданс, боясь, что она поймет свою ошибку и разоблачит меня.

— Добро пожаловать на борт «Невесты в трауре», — объявил офицер на входе у трапа, с которого я сошла совсем недавно. — Я — лейтенант Эжен.

В отличие от солдат, стоявших на посту час назад, этот офицер, как свидетельствовало его бледное лицо,

НА БОРТ!

обрамленное длинными блестящими темными буклями, был вампиром.

— Разве капитан судна не поприветствует нас лично? — осведомилась принцесса.

— Гиацинт де Рокай приносит свои извинения, мадам. У него привычка вставать поздно и никогда не сходить на берег.

Дипломат нахмурилась:

— Моряк, не соблаговоливший ради министра Короля встать пораньше, — это что-то новенькое. Впрочем, не стоит ждать элементарного проявления вежливости со стороны вульгарных корсаров.

На лице лейтенанта застыла дежурная улыбка.

— Вы сохранили традиции пиратов, — продолжила министр. — Простым языком, грабите и убиваете под прикрытием каперского свидетельства, подписанного рукой Короля. — Принцесса не удержалась и презрительно фыркнула. Она, которая всегда старалась сглаживать острые углы на дипломатической сцене! — Что ж! Эти манеры, несомненно, понравятся капитану Бледному Фебюсу, а это главное.

Вампириша повернулась ко мне, чтобы проститься. От ее объятий повеяло могильным холодом.

— Прощайте, дорогая! Я вас покидаю, но взамен оставляю вашу горячо любимую кухню. Вам есть о чем поговорить.

Она подтолкнула нас к трапу.

Поднимаясь на корабль, я с каждым шагом ощущала, как загоняю себя в ловушку, где буду вынуждена делить общество с так называемой родственницей не только во время длительного трансатлантического путешествия, но даже после него.

5

Кузина

Я ЗАХЛОПНУЛА ДВЕРЬ КАЮТЫ и заперла замок на два оборота.

Как только мы ступили на палубу корабля, я симулировала недомогание, якобы вызванное утомлением от перенесенной дороги. Настоящей же причиной дурноты была Прюданс. Четыре недели в море рядом с ней, без выхода на берег! От этой мысли хотелось кричать. Я знала, что не смогу вечно избегать ее. Черная желчь прилила к голове, вызвав мигрень, которая начала пульсировать где-то внутри черепной коробки. Я всегда страдала от избытка этой жидкости, так что сегодня моя болезнь не была притворной.

В поисках лазейки я оглядела тесную каюту с низким потолком — настоящую тюремную камеру. Желтоватый свет лампы освещал узкую кровать и лилипутский секретер. Единственный иллюминатор не давал никакой надежды — он слишком мал, чтобы через него пролезло тело, даже такое миниатюрное, как у меня. К тому же, сбежав, я бы разрушила надежды Фронды, возложенные на меня. Безвыходное положение!

КУЗИНА

Торопливо, с силой я нажала на изъеденную морской солью задвижку. Быстрее на свежий воздух, иначе задохнусь! В нос ударило дыхание моря: непривычный для меня запах, терпкий и тошнотворный одновременно. Корабль уже снялся с якоря? Вроде бы нет. Иллюминатор смотрел на порт, а значит, мы еще в гавани, абсолютно безлюдной к этому часу: карета принцессы дез Юрсен уже успела отъехать. По правилам комендантского часа все окна на фасадах богатых буржуазных домов закрывали ставни. Все... за исключением одного, слабо освещенного, на последнем этаже темного здания. Высокий силуэт нарисовался в тусклом контражуре масляной лампы. Кто этот полуночник, выглянувший из окна?

Вместо ответа тишину нарушил скрежет: отворилась тяжелая, обитая гвоздями дверь подвального помещения. Вывеска из кованого железа гласила: *Постоялый двор «Отъезд»*. Из дверного проема выскользнул незнакомец и бросился к нашему кораблю. На середине пути он внезапно остановился и обернулся. В тусклом ореоле уличного фонаря я увидела его лицо. Рафаэль! Юноша оглянулся на окно под крышей... вернее, на того, кто там стоял. Сощурившись, я различила контуры тюрбана. *Сурадж!* Это он, оруженосец Короля! Я уверена в этом! Я единственная в Версале знала об их запретной связи. Неужели индеец специально приехал в Нант к возлюбленному вместо того, чтобы стоять в карауле королевского двора?

Рафаэль развернулся и вновь помчался к *«Невесте в трауре»*. Ставни на верхнем окне постоялого двора захлопнулись, издав сухой звук падающей гильотины. Я тоже закрыла иллюминатор, чувствуя смятение из-за того, что стала свидетельницей чужой тайны, которая на время отвлекла меня от моих собственных проблем. Но пришло время действовать!

ДВОР УРАГАНОВ

* * *

Сначала послышались три удара, затем приглушенный голос произнес:

— Ваш напиток, мадемуазель!

Я кинулась открывать дверь. В проеме появилось лицо Клеанта. Позади него мягко покачивался фонарь, подвешенный к потолку узкого кулуара: корабль снялся с якоря. Камердинер прошел в каюту, поставил стакан шипучей воды на секретер. Я попросила принести сельтерскую воду, чтобы облегчить мигрень и увидеться с моим союзником.

— Мне удалось передать твоё сообщение, — прошептал он. — Через ворона риск перехвата очень высок.

— Я и сама так подумала.

— И ты была права. Сейчас, в эту самую минуту наш фрондер во весь опор скачет в Версаль, чтобы предупредить Раймона де Монфокона о готовящемся плане Короля.

— Спасибо, Клеант. Со своей стороны я сделаю все, чтобы Нетленному не достался «El Corazón de la Tierra». Но нужно встретиться с Бледным Фебюсом до того, как будет раскрыто мое настоящее имя.

— Что ты хочешь сказать?

— Моя кузина на корабле.

— Ты говоришь о родственнице из Оверни, уцелевшей во время убийства твоей семьи?

— Нет, это кузина той мертвой, чье имя я узурпировала.

По мере того как я делилась неожиданными подробностями, выражение лица Клеанта менялось, губы под тонкими усиками задрожали.

— Но если она тебя разоблачит, то все потеряно! — испугался фрондер.

КУЗИНА

— Вот почему я должна идеально сыграть свою роль. И ты мне в этом поможешь.

— Я? Но как?

— Ты, в отличие от меня, можешь свободно перемещаться по кораблю. Тебе нужно проникнуть в каюту Прюданс, когда ее там не будет. Мне ничего о ней не известно, кроме того, что она ведет дневник. Если бы я смогла прочесть его, то многое узнала бы: достаточно, чтобы обмануть девушку.

Клеант кивнул.

— Передай моей свите и капитану, что я уснула, оставшись без сил после дороги. Хороший предлог, чтобы объяснить мое отсутствие за ужином.

Через час Клеант вернулся с блокнотом в мягком кожаном переплете.

— Я улизнул во время обслуживания стола. Осталось подать два блюда смертным и два бокала крови бессмертным: у тебя есть четверть часа, чтобы прочесть дневник. После я вернусь, чтобы забрать его и положить в ящик секретера, как раз перед возвращением Прюданс в каюту.

Клеант испарился бесшумно, тихой поступью не просто тайного камердинера, но опытного агента Фронды.

При слабом свете лампы, скрытая от посторонних глаз за дверью каюты, я нетерпеливо открыла обложку личного журнала девушки, словно крышку ларца с сокровищами. Какое разочарование! Всего лишь несколько первых страниц были исписаны мелким, аккуратным почерком. Без сомнения, передо мной лежал дневник, предназначенный для описания новой главы в жизни Прюданс. А я так надеялась почерпнуть из него множество ее детских воспоминаний. Ну что ж! Время не терпит. Я погрузилась в строчки, написанные прилежным детским почерком, так и видя перед собой ма-

ДВОР УРАГАНОВ

ленькую послушную девочку с двумя косичками. Первая запись была сделана накануне: 28 марта 300 года Тьмы.

Дорогой дневник.

Решено, я еду в Америку! Я, кто никогда не покидал пределов поместья барона де Керадек, отправляюсь на другой конец света! Я так счастлива вновь встретиться с Дианой. Но мне немного страшно: любит ли еще меня кузина, ведь прошло столько лет? Она теперь важная особа при Дворе, а я до сих пор маленькая бретонка¹, никогда в жизни не путешествовавшая. В детстве я восхищалась ею как старшей сестрой, хотя между нами год разницы. Ты помнишь, как она переделывала за мной неудачные вышивки, исправляла ошибки в игре на клавесине, тайком давала почитать романы о запретной любви. Теперь нас разделяет не только год разницы в возрасте: Диана пережила тысячу вещей, а я почти ничего.

Первые же строчки журнала тронули меня. Ожидая столкнуться с претенциозным повествованием самоуверенной аристократки, я увидела сомнения скромной деревенской девушки. Трудно отрицать, что всего год назад я была такой же: провинциалкой, никогда не выезжавшей дальше своей деревушки. И если я боялась, что Приуданс узнает правду, то и она сама выражала опасение, что может мне не понравиться. Похоже, старшая кузина Диана имела на нее влияние. Нужно запомнить это, чтоб после воспользоваться в своих интересах.

¹ Б р е т о н ц ы — жители региона Бретань на северо-западе Франции.

КУЗИНА

Я продолжила чтение, быстро пробегая пассажи, не имеющие конкретного значения, желая получить действительно важную для меня информацию.

А, вуаля!

Я попрощалась с родителями. Отец, барон Робер, велел вести себя достойно чести, которая мне выпала. Мама, баронесса Анжелика, пролила много слез не только из-за нашего скорого расставания. Мой отъезд напомнил ей о смерти ее дорогой сестры, мамы Дианы. Именно тетушка Селимена спланировала обе семьи, дорогой дневник. Можешь представить, каждую весну мама Дианы совершала вояж из Оверни в Бретань, чтобы месяца погостить у нас. Но в 290 году лихорадка забрала ее, и наша семейная связь ослабла. С тех пор я не видела Диану.

Нельзя было и мечтать об этом! Вот те самые детали, которые мне были так нужны! Я впитывала их, как молочную сыворотку, мои мозги работали на полную катушку. Дату рождения настоящей Дианы де Гастефриш — 5 мая 281 года — я знала еще из ее дворянских бумаг. То есть младшей кузине скоро исполнится восемнадцать. А это значит, что ей было восемь, когда девочки виделись в последний раз. Тем лучше! За десять лет многое могло измениться, как в психическом, так и в физическом плане. В 290 году настоящая Диана была еще ребенком, а сегодня Прюданс увидела перед собой молодую женщину, все изменения во внешности можно легко списать на половое развитие.

Я пролистнула восторженные, несколько растрепанные параграфы, где Прюданс изливала свои страхи и надежды.

ДВОР УРАГАНОВ

Одним словом, дорогой дневник, я бросаюсь в омут с головой. Это волнует. Это пугает. Но лучше испытать неизведанные чувства, чем жить в предсказуемом комфорте поместья де Керадек. Ты станешь моим близким другом во время путешествия, по крайней мере до тех пор, пока я не подружусь с Дианой, не найду прежнего взаимопонимания, как когда-то в детстве.

Прекрасно! Только нужно следить, чтобы взаимопонимание не установилось слишком быстро, и продолжить собирать на этих страницах информацию о том, как я должна выглядеть в глазах кузины. С чувством огромного облегчения я закрыла дневник. Еще не все потеряно!

* * *

На следующее утро после пробуждения головная боль окончательно рассеялась. Убаюканная качкой, я выспалась на славу. В иллюминатор каюты уже заглядывало бледное весеннее солнце. Перед маленьким зеркальцем, прикрепленным над секретером, я привела себя в порядок, подхватила плащ, толкнула дверь каюты...

... и столкнулась нос к носу с Франсуазой.

Она стояла у моего порога, не двигаясь. Сколько времени девушка ждала меня, с тех пор как покинула свою каюту, что находилась напротив моей? Всю ночь? В тусклом коридоре ее лицо без эмоций напоминало застывшую маску. Даже в нескольких сантиметрах от себя я не могла увидеть ее глаз за чудовищными очками, которые Факультет ввинтил в череп несчастной.

— Э... разрешите? — попросила я, обходя ее. — Мне хочется немного подышать свежим воздухом.

КУЗИНА

Франсуаза молча двинулась следом, издавая этот ужасный скрежет, который сопровождал каждое движение кое-как залатанного тела.

Дойдя до главной палубы, я вышла на яркий свет. Бесконечность неба свободно раскинулась надо мной. На чистом горизонте не было ничего, за что мог бы зацепиться взгляд.

— Какие-то проблемы, мамзель? — бросил мне матрос, занятый сворачиванием каната.

— Э-э-э... нет, — пробормотала я, выдыхая облачко пара в холодный воздух.

Я заставила себя улыбнуться, но лицо мужчины оставалось непроницаемым, как дверь в темницу. Маленькие глазки, окруженные глубокими морщинами, внимательно следили за мной.

— Кажется, вас укачало в карете по дороге из Версаля, — продолжал он, намекая на мою мнимую болезнь накануне. — Только дорожная качка — это кот начал по сравнению с морской! Оставались бы вы в постельке до самой Вест-Индии, вы и ваша сатанинская бонна, что сторожит вашу дверь точно собачонка.

Он смачно харкнул за борт черной от табака слюной, выразив презрение морского волка к таким, как я, сухопутным крысам. И не играло роли, что я — оруженосец Короля, да и вообще причина всей этой экспедиции, он дал понять, что мы здесь не более чем гости корабля, на борту которого он провел, без сомнения, всю сознательную жизнь. И даже если «*Невеста в трауре*» ходила под французским флагом, здесь — обособленная территория с собственными правилами, где не было закона о комендантском часе: корабль требовал постоянного внимания со стороны экипажа, даже если он в большей степени состоял из простолудинов. Но закон о невыезде применялся, хотя

ДВОР УРАГАНОВ

и по-другому: этот матрос и его товарищи — узники корабля.

— Я привыкну к качкам, бывало и хуже, — притворилась я.

В качестве доказательства своих слов я отошла от мачты, направляясь к баку¹, но пол угрожающе задвигался под ногами. Я покачнулась, потеряла равновесие и удачно опустилась прямо в руки Франсуазы. *Моей сатанинской бонны...* Старый моряк даже не догадывался, что попал в самое яблочко!

Неожиданно появилась Прюданс, закутанная в толстое манто из серой шерсти. Она передвигалась так же неуверенно, как и я. Страх вновь тугой спиралью скрутился в животе. Момент, которого я боялась вчера, вот-вот настанет, бретонка увидит меня при дневном свете и сразу все поймет.

— Дорогая кузина, — воскликнула она, ее светлые косы развевались на ветру. — Надеюсь, вам сегодня лучше?

— Намного, — я старалась улыбаться как можно естественнее.

— И правда, вы светитесь. Такая же красивая, как и в моих воспоминаниях.

Спазмы в животе немного утихли. Де Керадек не физиономист. Тем лучше! Девушка бросила опасливый взгляд на Франсуазу:

— Вижу, вы в компании вашей... э-э-э... преследовательницы?

— Еще ни одна из спутниц так удачно не называлась со времен сотворения мира, — усмехнулась я. — Мадемуазель дез Эскай действительно неотступно *преследует* меня.

¹ Ба к — носовая часть палубы.

КУЗИНА

— Вам повезло, вас все время сопровождают, — ответила Прюданс, не уловив сарказма. — Мне же вчера было так одиноко за ужином. Оруженосцы впечатлили, вампиры еще больше. А капитан Гиацинт... я его боюсь.

Девушка дрожала под жестким пальто такого же простого кроя, что и платье. Я догадалась, что не только от холода. Неужели капитан «*Невесты в трауре*» так же страшен во плоти, как и его репутация? На кого он, интересно, похож? Ну что ж, скоро увидим. А пока надо убедиться, что у Прюданс не возникло сомнений.

— Дорогая кузина, благодарю за то, что похвалили мой сияющий вид. Держу пари, вы заметили изменения, просто из вежливости не спрашиваете о них. Это от горя. Потеряв бедного отца, мои волосы побелели за ночь. А вот вы, напротив, свежи, как цветок. Бледный цветок... Вы немного бледны, дорогая... Все в порядке?

Я старалась нащупать малейшее сомнение, которое могло зародиться в девушке, но не обнаружила ни единого подозрения в ее больших тускло-голубых глазах, чья чистота контрастировала с огромными черными парусами, раздувающимися на морском бризе.

— Если вы находите меня бледной, то только потому, что я тоже приболела, — призналась она смущенно. — Желудок не смог переварить вчерашний ужин. Я... я думаю, у меня морская болезнь. И тоска по дому.

Внезапно я перестала бояться эту «родственницу», возникшую из ниоткуда. Вчера вечером я видела в ней Немезиду¹, явившуюся покарать меня за самозванство и ложь; сегодня утром передо мной стоял растерянный, безобидный ребенок.

— Тоска по дому пройдет, — уверила я ее, вживаясь в образ заботливой старшей кузины, описанной в лич-

¹ Немезида — древнегреческая богиня возмездия.

ДВОР УРАГАНОВ

ном журнале девушки. — Мне тоже, когда я приехала в Версаль, потребовалось время.

Робкая улыбка тронула губы Прюданс:

— Вы всегда были для меня примером, Диана. Еще маленькой я знала, что вас ждет грандиозное будущее. Посмотрите: сегодня вы на пороге герцогства под руку с покорителем морей. Вы — будущая правительница Двора Ураганов!

Наивность Прюданс смягчила меня против воли. Я будто слушала девочку, рассказывающую волшебную сказку и забывшую, что принцесса обещана кровожадному убийце. Я взяла ее руку в свою, нацепив маску «старшей кузины», которой старалась казаться в глазах девушки.

— Какого черта мы «выкаем» друг другу, кузина? Перейдем на «ты»!

Улыбка осветила лицо Прюданс, заставив танцевать озорные веснушки на щеках.

— О, ты согрела мое сердце, Диана! — воскликнула она. — Я боялась, что не узнаю тебя после стольких лет. Но ты совсем не изменилась.

Не изменилась? Определенно Прюданс, должно быть, в большей степени близорука, чем Франсуаза. Или, скорее всего, эмоции ослепляют ее. Что мне на руку.

— Только твои волосы стали действительно другими, — добавила она, рассматривая их. — Ты была блондинкой, как я. Но понимаю, страшная трагедия, что тебя постигла, изменила их.

Глаза Прюданс, поразительно похожие на глаза настоящей баронессы, увлажнились.

— Мне так стыдно, я жаловалась на тоску по родителям тебе, кто потерял своих при ужасных обстоятельствах.

— У тебя нет никаких причин ощущать стыд, Прю-